
С новым годом!
ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 1 ЯНВАРЬ 1976
XXV
СЪЕЗД
КПСС

Ровесники пятилетки Вова, Таня, Наташа, Валерий, Оксана.

ПЯТЬ

Фоторепортаж
Александра
НАГРАЛЬЯНА

Интересно, как воспринимают этот праздник дети, чей день рождения совпал с днем рождения Нового года! На городских площадях поднимаются роскошные ели, вечерние окна расцвечены веселыми огоньками, в детском саду под музыку скачут зайцы и белочки... Такое впечатление, что все радуются твоему появлению на свет.

Но люди в твой день празднуют еще и день рождения Нового года! А ты уже большой, ты уже в пятый раз пляшешь вокруг елки.

...В Челябинске вместе с новым, 1971-м на свет появились три-

— До свидания, дядя Саша! Приезжайте через пять лет...

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 1 (2530)

1 ЯНВАРЯ 1976

ПО ПЯТЬ

дцать мальчиков и девочек. Была ночь как ночь, только крики новорожденных сливались с голосами поющих, со звоном курантов, летящим от Курил к Балтике... И появление на свет новых челябинцев сразу же отметили социологические сейсмографы. А как же! Новый член семьи, новый гражданин города — это ведь поправки к плану жилищного строительства, новые места в яслях, а в перспективе и в школах; великое переселение семей, а это нередко означает и смену места работы, выход на линию дополнительного числа автобусов... И так далее и тому подобное, не говоря уже о том, что с каждым годом нужно все больше елок, больше свечей на семейном пироге, больше игрушек и конфет.

Люди растут. Маленькие постепенно взрослеют, у них закрепляются и все чаще проявляются черты собственного характера. Мы взяли только пять челябинцев, ровесников пятилетки. Валерий Сафонов уже участник не одной выставки рисунков. Владимир Вырин серьезен не по годам. Когда состоялась встреча героев фоторепортажа за столиком в кафе «Забава», то Вова заявил:

— Не хочу пирожных, я большой!

У Оксаны Василенко наклонности к четким формулировкам:

— Я новогодница!..

Но у них, таких разных, много и общего: любящие родители, заботливый, известный на весь мир город, их родина, каждый живет в отдельной, чаще трехкомнатной квартире, каждый ухожен и любим. И все они ровесники пятилетки. Но она миновала, осталась в истории, в биографии страны, а Вова Вырин, Наташа Коршунова, Таня Ширяева, Валерик Сафонов и Оксана Василенко пошли по жизни дальше — в пятилетку десятую. Им идти далеко-далеко, им еще много раз скакать под елками, радоваться новым снегам, задумываться и спрашивать: «А почему люди всегда радуются рождению нового?»

Действительно, почему! Почему мы так радуемся рождению нового дня, нового человека, нового дела! Отвечает жизнь. Новое — это ее вечное движение.

Н. БЫКОВ

Первый круглый юбилей.

НАГРАДА РОДИНЫ

За большие заслуги в развитии советского изобразительного искусства и подготовку высококвалифицированных кадров художников Академия художеств СССР награждена орденом Ленина. Торжественное заседание, посвященное вручению ей высокой награды Родины, состоялось 26 декабря в Большом театре Союза ССР.

В президиуме торжественного заседания — член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС М. А. Суслов, член Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР К. Т. Мазуров, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, министр культуры СССР П. Н. Демичев, секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. П. Георгадзе.

Заседание открыл президент Академии художеств СССР Герой Социалистического Труда Н. В. Томский.

С большим воодушевлением был избран почетный президиум в составе Политбюро ЦК КПСС во главе с Генеральным секретарем ЦК КПСС товарищем Л. И. Брежневым.

С речью выступил тепло встреченный участниками заседания член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС М. А. Суслов.

Тов. М. А. Суслов огласил Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении Академии художеств СССР орденом Ленина и под бурные аплодисменты собравшихся прикрепил награду к знамени академии.

От имени коллектива ордена Ленина Академии художеств СССР со словами глубокой благодарности Центральному Комитету КПСС, Президиуму Верховного Совета СССР и Советскому правительству за высокую оценку деятельности академии обратился Н. В. Томский.

Президент Академии художеств СССР заверил Центральный Комитет КПСС, Президиум Верховного Совета СССР и Совет Министров СССР, что коллектив академии и впредь будет отдавать все силы, весь пламень своей души дальнейшему расцвету искусства социалистического реализма.

Коллектив Академии художеств СССР поздравили с высокой наградой председатель правления Союза художников СССР Н. А. Пономарев, слесарь Московского автозавода имени И. А. Лихачева Герой Социалистического Труда В. С. Павловский, секретарь правления Союза архитекторов СССР Н. Н. Уллас.

С огромным воодушевлением участники торжественного заседания приняли приветственное письмо Центральному Комитету Коммунистической партии Советского Союза.

На снимке: вручение Академии художеств СССР ордена Ленина.

Фото А. Гостева

ЛАУРЕАТЫ РОССИИ

Совет Министров РСФСР, рассмотрев предложения комиссии Президиума Совета Министров РСФСР по Государственным премиям РСФСР, присудил Государственные премии РСФСР 1975 года:

В области литературы — премии имени М. Горького — Астафьеву Виктору Петровичу, писателю,— за повести «Перевал», «Последний поклон», «Кража», «Пастух и пастушка»; **Дамдинову** Николаю Гармаевичу, поэту,— за книги стихов и поэм «Четыре неба», «Апрель»; **Друниной** Юлии Владимировне, поэтессе,— за книгу стихов «Не бывает любви несчастливой»; **Носову** Евгению Ивановичу, писателю,— за книгу «Шумит луговая овсяница».

В области музыкального искусства — премии имени М. Глинки — Ахметову Фасилю Ахметгалиевичу, композитору,— за симфоническую поэму «Памяти Фарида Яруллина»; **Новикову** Андрею Порфирьевичу, художественному руководителю Государственного Сибирского русского народного хора,— за концертные программы 1972—1974 годов; **Светланову** Евгению Федоровичу, художественному руководителю и главному дирижеру Государственного академического симфонического оркестра Союза ССР,— за концертные программы 1973—1974 годов, цикл концертов, посвященных симфоническому творчеству С. В. Рахманинова.

В области театрального искусства — премии имени К. Станиславского — Борисову Александру Федоровичу, актеру,— за исполнение ролей в спектаклях Ленинградского государственного академического театра драмы имени А. С. Пушкина «На дне», «Мертвые души», «Ураган»; **Мосоловой** Лидии Владимировне, актрисе,— за исполнение ролей в спектаклях Пермского областного драматического театра «Птицы нашей молодости», «Васса Железнова»; **Симонову** Евгению Рубеновичу, режиссеру, **Ульянову** Михаилу Александровичу, актеру,— за спектакль «День-деньской» в Государственном академическом театре имени Евг. Вахтангова.

Премию имени Н. К. Крупской — Князевой Лидии Николаевне, актрисе,— за исполнение ролей в спектакле Московского театра юного зрителя «Том Кенти».

В области изобразительного искусства — премии имени И. Репина — Зверькову Ефрему Ивановичу, художнику,— за картины «Голубой апрель», «Зимнее солнце», «В лесном краю», «Северная весна»; **Сафронову** Виктору Алексеевичу, художнику,— за картины «Клятва», «Гвардейское знамя», «Солдатское письмо»; **Томскому** Николаю Васильевичу, скульптору,— за памятник М. И. Кутузову в Москве; **Григорян** Галине Сергеевне, **Кузнецовой** Марии Павловне, **Махровской** Екатерине Владимировне, **Николаевой** Екатерине Яковлевне, **Цыбиной** Альбине Ивановне, художникам,— за создание на текстильных предприятиях Ивановской области высокохудожественных образцов тканей для массового выпуска.

В области киноискусства — премии имени братьев Васильевых — Бондареву Юрию Васильевичу, **Григорьеву** Евгению Александровичу, авторам сценария, **Егиазарову** Гавриилу Георгиевичу, автору сценария и режиссеру-постановщику, **Добронравову** Федору Борисовичу, оператору-постановщику, **Голикову** Василию Васильевичу, художнику-постановщику, **Жженову** Георгию Степановичу, **Токареву** Борису Васильевичу, актерам, — за художественный фильм «Горячий снег» производства киностудии «Мосфильм»; **Лапшину** Ярополку Леонидовичу, режиссеру-постановщику, **Лукшину** Игорю Васильевичу, кинооператору, — за художественный фильм «Приваловские миллионы» производства Свердловской киностудии; **Зубкову** Георгию Ивановичу, автору сценария, **Андриканису** Евгению Николаевичу, режиссеру, **Степанову** Вячеславу Дмитриевичу, кинооператору, — за документальный телевизионный фильм «Дорогами согласия, дорогами содружества» производства творческого объединения «Экран».

В области архитектуры — Государственные премии РСФСР — Букрееву Юрию Андреевичу, **Корнеевой** Галине Ивановне, **Нееловой** Ольге Михайловне, **Райтману** Семену Семеновичу, архитекторам, **Канайлову** Александру Васильевичу, **Полетаеву** Николаю Павловичу, **Раузину** Григорию Исаевичу, **Седову** Ивану Ивановичу, инженерам, **Балыклову** Александру Владимировичу, **Лапотниковой** Александре Павловне, бригадирам-строителям, **Карпову** Олегу Викторовичу, главному архитектору г. Миасса,— за проектирование и комплексную застройку Северного района г. Миасса Челябинской области при сохранении живописного ландшафта; **Горицкому** Анатолию Ивановичу, **Никулину** Геннадию Сергеевичу, архитекторам, **Григорьеву** Юрию Александровичу, **Изъюрову** Льву Васильевичу, **Пупкову** Георгию Григорьевичу, **Растоскуеву** Борису Александровичу, **Чулкевичу** Льву Вячеславовичу, инженерам,— за архитектуру Красноярской гидроэлектростанции имени 50-летия СССР; **Жилкину** Валерию Константиновичу, **Костомарову** Герману Николаевичу, **Перченкову** Евсею Вульфовичу, **Суворовой** Галине Сергеевне, архитекторам, **Чернову** Юрию Алексеевичу, **Эргардту** Артуру Генриховичу, инженерам, — за проектирование и строительство комплекса туристско-спортивной гостиницы «Домбай» с канатными дорогами. (ТАСС)

СЛАВНАЯ ДАТА

Семидесятилетию Декабрьского вооруженного восстания в Москве было посвящено торжественное собрание, состоявшееся 22 декабря в Москве, в Колонном зале Дома союзов. В президиуме — член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь МГК КПСС В. В. Гришин, член Политбюро ЦК КПСС, председатель Комитета партийного контроля при ЦК КПСС А. Я. Пельше, Председатель Совета Национальностей Верховного Совета СССР В. П. Рубен, секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. П. Георгадзе, ответственные работники ЦК КПСС, руководители министерств и ведомств, военачальники.

С большим подъемом был избран почетный президиум в составе Политбюро ЦК КПСС во главе с Генеральным секретарем ЦК КПСС товарищем Л. И. Брежневым.

Вступительным словом собрание открыл В. В. Гришин.

С докладом «Всемирно-историческое значение революции 1905—1907 годов» выступил директор Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС академик А. Г. Егоров.

Участники собрания единодушно приняли приветственное письмо Центральному Комитету Коммунистической партии Советского Союза.

На снимке: во время собрания.

Фото В. Черединцева (ТАСС)

ПОЕЗД ИДЕТ НА ВОСТОК

Есть на карте нашей страны точка, у которой сразу три названия: железнодорожная станция «Лена», поселок Усть-Кут и порт Осетрово. Рельсы почти упираются в берег Лены — каких-нибудь пятьдесят метров не доходят до воды. Для пассажиров здесь всегда был пересадочный пункт, для грузов — перевалочная база: с железной дороги — на пароходы, баржи и катера, что идут вверх и вниз по широченной реке, либо на самолеты и вертолеты, что летят в глубь тайги. Так было всегда — до недавнего времени, до 24 декабря 1975 года. В этот день впервые поезд со станции Лена отправился в восточном направлении, по только что построенному участку Байкало-Амурской магистрали.

Всего два года назад по тому же маршруту вышел из Усть-Кута отряд бульдозеров, чтобы пробить в тайге трассу для БАМа. Два года, полных борьбы с суровыми сибирскими зимами, полных самоотверженного, поистине героического труда строителей. Сегодня многие из первопроходцев БАМа по праву стали первыми пассажирами первого поезда — их специально к этому дню доставили сюда на вертолетах из далеких поселков, лежащих на трассе.

Мост через Лену, насыпь — и за окнами потянулась тайга ленского правобережья, еще никогда не слыхавшая локомотивного гудка. Через сорок километров — разъезд Чудничный. Планировалось, что рельсы в этом году дойдут только до него, но строители приплюсовали к плану еще двадцать четыре километра магистрали. Вот он, конечный пункт сегодняшнего путешествия — поселок Звездный! Сданы шестьдесят четыре рельсовых километра новой транссибирской магистрали, выполнены социалистические обязательства, взятые строителями к XXV съезду партии. БАМ продвигается на восток...

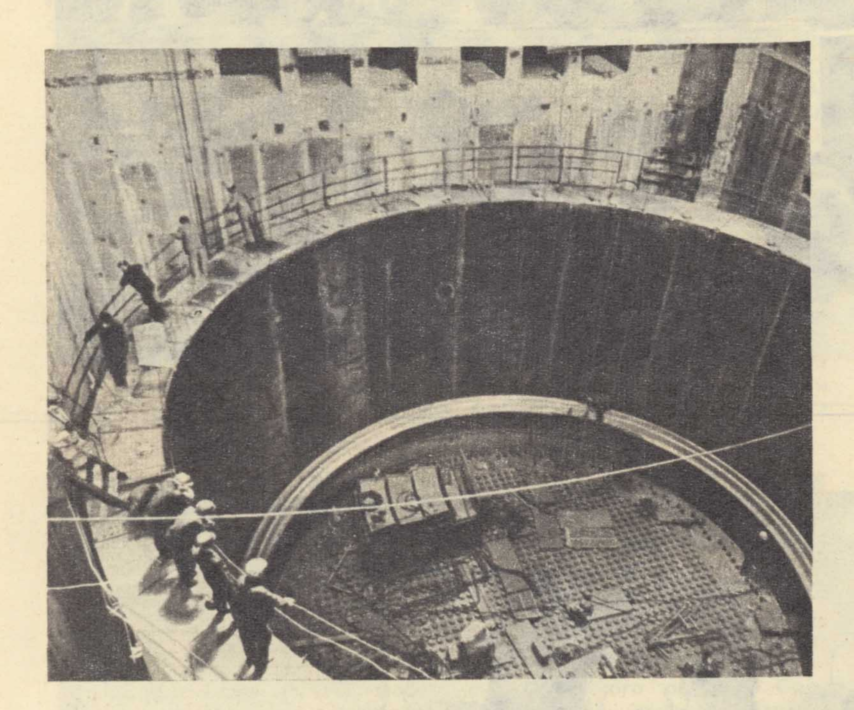
Телефото Э. Брюханенко (ТАСС)

ДЕСЯТАЯ ПЯТИ

Первый день первого года десятой пятилетки... Он знаменует начало нового этапа в жизни всего нашего народа, всей страны. Планы партии всегда были, есть и будут планами советских людей.

Проект ЦК КПСС к XXV съезду партии «Основные направления развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы» широко обсуждается на стройках, фабриках, заводах, в научных институтах, колхозах и совхозах. За каждой строкой — новые горизонты во всех сферах нашей жизни. Мы попросили прокомментировать некоторые из этих строк руководителей завода, стройки, совхоза, промышленного объединения.

«Ввести в действие мощности на электростанциях в размере 67—70 млн. киловатт, в том числе на атомных — 13—15 млн. киловатт».

БУДЕТ ГОРОД ПРИПЯТЬ

В. Т. КИЗИМА,
начальник строительства Чернобыльской АЭС

— В эти дни меня многие спрашивают, о чем мечтаю я на пороге нового года и новой пятилетки. И я отвечаю: о бутылке шампанского! Да, да, той самой, которую очень скоро предстоит разбить о первый атомный реактор и первый энергоблок Чернобыльской АЭС.

В десятой пятилетке перед нашим коллективом стоит большая задача: уже в первом году пятилетки мы должны ввести в строй первый атомный энергоблок мощностью в один миллион киловатт, затем второй такой же. Это наша сегодняшняя ориентация. Но то, что уже сделано нашими строителями и монтажниками, позволяет рассчитывать на большее. Дело в том, что первая очередь АЭС, которую мы должны закончить в десятой пятилетке, включает два энергоблока, все подсобные производства, общежития, магазины, жилые дома, школы, больницы, дороги, речной порт — в общем, целый город. Так вот всю социально-культурную часть первой очереди мы завершаем в году 1976-м, и город Припять будет построен на два года раньше — к пуску первого энергоблока. Это уже и сейчас позволяет создавать наилучшие условия для труда и быта как строителей, так и эксплуатационников. А коли так, мы можем полностью сосредоточить свои усилия на самой станции, чтобы успешно выполнить задания десятой пятилетки по вводу мощностей АЭС.

«Улучшить обеспечение населения свежими овощами и фруктами в течение всего года».

ГОРОД ВЕЧНОГО ЛЕТА

Эдуард АЛЬБА,
Герой Социалистического Труда,
директор совхоза «Сауэ»

— На мой взгляд, наш город самый красивый и необычный в Эстонии, потому что он весь стеклянный. И населен он двадцатью двумя «нациями» зеленого мира. Трудно, конечно, точно подсчитать количество «населения». Но оно многомиллионное, хотя город и занимает всего 5,7 гектара. А находится он на территории совхоза «Сауэ». В какой бы морозный день мы ни зашли в стеклянные дворцы, там всегда лето. Речь идет о совхозных оранжереях, круглый год поставляющих Таллину свежие овощи.

Чем же мы нынче порадуем таллинских хозяек на Новый год? В 1975 году мы продали им 3 миллиона 500 тысяч килограммов овощей. А к новогодию припасли 40 тонн свежей капусты, 12 тонн моркови, 11,5 тонны свеклы, 500 килограммов петрушки. Не забыли, конечно, и о такой новогодней приправе, как пахучий хрен.

В январе и феврале начнем сеять огурцы и помидоры. Поближе к весне высадим их в грунт. А в апреле — мае уже будем продавать первые партии этих овощей.

Работаем мы бесперебойно все двенадцать месяцев. Овощи тоже не единственная наша отрасль, производим молоко, мясо, зерно. Однако овощи составляют третью часть нашей продукции.

Девятая пятилетка прошла для нас под знаком увеличения производства продукции на имеющихся площадях. Новый год мы встречаем в приподнятом настроении: сумели продать государству сверхплановое мясо, молоко. И, само собой разумеется, овощи.

А вот в десятой пятилетке, как показывают первые подсчеты, мы сможем значительно больше выращивать овощей: на 15 — 20 процентов.

«Развивать производство автосамосвалов и самосвальных автопоездов грузоподъемностью 75, 120 тонн и более...»

НА ЗЕМЛЕ И ПОД ЗЕМЛЕЙ

И. М. ДЕМИН,
генеральный директор Белорусского объединения по производству большегрузных автомобилей («БелавтоМАЗ»), Герой Социалистического Труда

— Когда-то о машинах говорили, что они колесят по дорогам страны. Теперь время иное, в том смысле, что наши машины колесят не только по дорогам, а и там, где дорог никто еще не проложил — на трассах газопроводов, в районах добычи нефти, на рудниках, лесопромыслах. И потому растет диапазон использования наших автомобилей. «БелавтоМАЗ» — это семь заводов, включая такие крупные, как Минский, Жодинский, Могилевский...

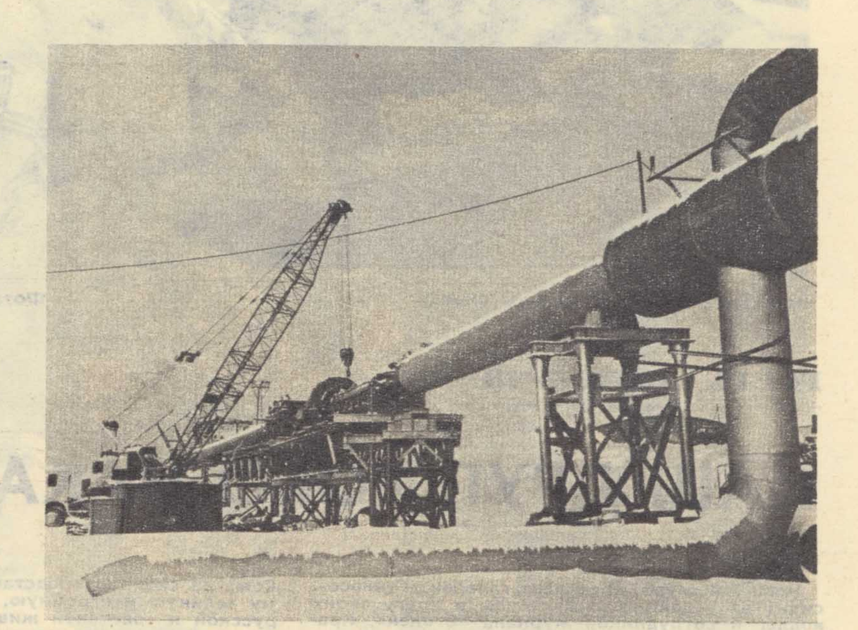
ЛЕТКА: СТАРТ!

Минувшую пятилетку мы выполнили досрочно. В нашем активе законченный в Минске комплекс опытно-конструкторских работ по созданию автомобилей и автопоездов семейства МАЗ — 53-35; завершены испытания жодинских 75- и 120-тонных автомобилей; создан в Могилеве первый в стране подземный самосвальный автопоезд грузоподъемностью 20 тонн. Так что наши машины уже и под землей раскатывают, и не потому, что на земле им тесно, а надо помочь горнякам, у них ведь тоже новые масштабы.

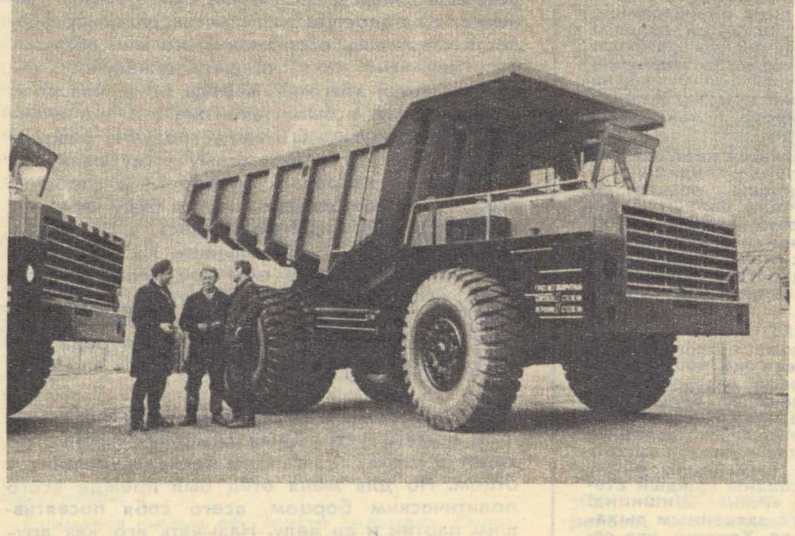
С наукой мы дружим крепко — связаны с пятьюдесятью научно-исследовательскими институтами и организациями. Да и наши специалисты только за последние три года получили 31 авторское свидетельство, четырнадцати инженерам присвоена ученая степень кандидата наук, а двадцати двум специалистам присуждена Государственная премия Союза ССР.

И вот вступили мы в пятилетку десятую. На главном предприятии в Минске начинаем выпуск автомобилей и автопоездов с увеличенным до 250 тысяч километров ресурсом и с более высокими по сравнению с прежними моделями экономическими и скоростными показателями. Из Жодино пойдут 75-, 120-тонные машины и модернизированные 27- и 40-тонные, грузоподъемность которых повышается еще на несколько тонн. Могилевский завод будет давать лесовозы, на могучие плечи которых можно взваливать по 40—50 тонн. А те, кто прокладывает нефте- и газопроводы, получат от минчан мощные трубовозы.

Наши автостроители будут продолжать работу по повышению качества машин, их экономической эффективности. Конструкторские же силы сосредоточатся уже на будущем — их задача обеспечить, как говорится, прогрессивный задел для автостроения восьмидесятых годов. Будущее это уже сегодня рождается в чертежах и расчетах.

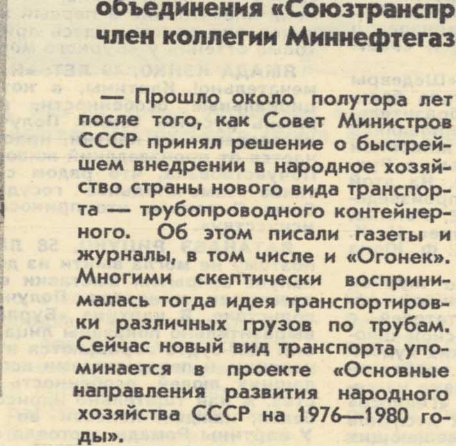
«Шире внедрять непрерывные виды транспорта — конвейерный, трубопроводный, в том числе пневмоконтейнерный...»

ТРУБА—ЭТО ДОРОГА

Г. В. ЖДАНОВИЧ,
начальник Всесоюзного промышленного объединения «Союзтранспрогресс», член коллегии Миннефтегазстроя

— Прошло около полутора лет после того, как Совет Министров СССР принял решение о быстрейшем внедрении в народное хозяйство страны нового вида транспорта — трубопроводного контейнерного. Об этом писали газеты и журналы, в том числе и «Огонек». Многими скептически воспринималась тогда идея транспортировки различных грузов по трубам. Сейчас новый вид транспорта упоминается в проекте «Основные направления развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы».

В Москве создано объединение «Союзтранспрогресс» и в его составе новый институт — ВНИИПИтранспрогресс. На полигоне в Раменском построен опытный пневмотрубопровод непрерывного действия. Сейчас завершается строительство экспериментально-промышленного пневмоконтейнерного трубопровода диаметром 1200 мм к Сычевскому горно-обогатительному комбинату в Волоколамском районе. Он заменит тяжеловесные БелАЗы и позволит увеличить в полтора раза производительность комбината без дополнительных капитальных вложений.

В десятой пятилетке значительно возрастет объем перевозок. Это потребует не только совершенствования традиционного транспорта, но и создания принципиально нового. И тут большую роль призван сыграть трубопроводный контейнерный транспорт, в том числе и пневмоконтейнерный.

Усилия работников нашего объединения сосредоточены на создании высокопроизводительных магистральных трубопроводных контейнерных систем для транспортировки угля, нефти, газа; пневмоконтейнерных систем с годовой производительностью от 3 до 15 миллионов тонн; сборно-разборных систем из эластичных неметаллических труб для транспорта сельскохозяйственных грузов.

За годы десятой пятилетки должны быть построены транспортные системы различной протяженности — от 6 до 100 километров каждая. В частности, для перевозки песка на Самотлорское нефтяное месторождение, железной руды и окатышей на Курской магнитной аномалии, апатитов на Кольском полуострове. Ожидается, что они сэкономят народному хозяйству 110 миллионов рублей.

Мы уверены, что преимущества трубопроводного контейнерного транспорта — высокая производительность, непрерывность перемещения груза, независимость от погодных условий, низкие давления в системе, отсутствие потерь груза в пути, полная автоматизация процесса, сохранение неизменной окружающей среды — позволят найти ему в будущем самое широкое применение.

Интервью взяли С. Калиничев, Б. Смирнов, Н. Храброва, А. Щербаков.
Фото А. Бобакова, Н. Змитровича (ТАСС), Ч. Мезина (ТАСС), В. Сальмре и Г. Усламова (ТАСС).

Иоко Накамура в гостях у «Огонька».

Фото М. Савина

гость «огонька»

НАШ ДРУГ ИОКО НАКАМУРА

Иоко Накамура, президент галереи «Геккосо», сидит за редакционным столом в кругу своих коллег и сотрудников журнала «Огонек». Красивая, обаятельная женщина. Поразительно, как много она знает о нашем искусстве. Раскрывает альбомы с репродукциями картин и тут же дает краткую характеристику каждому художнику, каждой картине.

Иоко Накамура известна в нашей стране как неутомимый и последовательный пропагандист русского и советского искусства у себя на родине, в Японии. Немало делает она, чтобы познакомить японскую публику с картинами русских и советских художников, с историей и традициями искусства нашей страны.

В картинной галерее «Геккосо» и других выставочных залах при активном и непосредственном участии Иоко Накамура было организовано пятьдесят экспозиций работ русских и советских художников.

Последняя выставка в Токио — «Шедевры русской и советской живописи» — стала большим событием для любителей изобразительного искусства в Японии. Экспонировались 24 шедевра русской и советской живописи XIX столетия и наших дней, хранимые в Русском музее и Третьяковской галерее. На этой выставке были представлены такие произведения, как «Бурлаки на Волге» И. Е. Репина, «Рожь» И. И. Шишкина, «Бурное море» И. К. Айвазовского, «Мартовское солнце» К. Ф. Юона и другие.

Галерея «Геккосо» издает в Токио журнал «Картина», содержание которого целиком посвящено ознакомлению японских читателей с великим наследием русской классической школы живописи, произведениями советских художников, их творческой деятельностью, проблемами развития социалистического реализма на современном этапе. Работники галереи «Геккосо» издали в последние годы около двух десятков каталогов, брошюр и буклетов, освещающих историю развития живописи в Советском Союзе, содержащих широкую информацию о деятельности современных советских художников.

«До недавнего времени,— рассказывает Иоко Накамура,— современная советская живопись была почти неизвестна в Японии. Чаще всего, говоря о современной советской живописи, японцы представляли себе плакаты с изображением рабочих и красных флагов. Не только в Японии, но и в других странах почти неизвестна настоящая ценность русского и советского изобразительного искусства. С музыкальными новинками можно познакомиться с помощью нот, с новинками литературы и критическими статьями мы можем познакомиться в переводах, которые распространяются по всему миру. Что же касается изобразительного искусства, то необходимо увидеть подлинник, чтобы узнать и понять художественную ценность произведения. За пятилетнюю деятельность галереи «Геккосо» нам удалось показать японцам 8 тысяч советских картин из восьми республик и 25 городов. За это время на выставках побывало не менее трех миллионов человек».

Картины русских и советских художников произвели огромное впечатление на японских зрителей. Иоко Накамура любезно предоставила «Огоньку» отзывы посетителей выставки «Шедевры русской и советской живописи». Вот некоторые из них.

ООТА КАЦУМАСА. 30 ЛЕТ. СОТРУДНИК ГОСУДАРСТВЕННОГО УЧРЕЖДЕНИЯ: «Впервые вижу настоящие, «живые» картины. Великолепная и мощная манера исполнения всех этих картин произвела огромное впечатление. Советский Союз до сих пор представлял просто как страну великую и огромную, но, ознакомившись с русской и советской живописью, я понял, что эта страна не только с прекрасной международной репутацией, но и с большой культурой».

ИСИКАВА ТОКУЭ, 44 ГОДА, МЕДСЕСТРА: «Я знакома почти со всеми художественными музеями мира. Но до сих пор мне не представлялось увидеть картину, проникнутую столь большим человеколюбием, гуманизмом, картину, столь трогающую. Я имею в виду произведение Репина «Бурлаки на Волге». Остается надолго в сердце умение автора передать зрителю так ярко характер описываемого человека. «Рожь» — произведение, которое произвело на меня впечатление в первый же момент. Как великолепно описана здесь природа, а какие цветовые оттенки у «Бурного моря».

ЯМАДА КЭЙКО, 49 ЛЕТ: «Напишу коротко: замечательно! Картины, в которых видишь национальные особенности, нравы, обычаи и жизнь русской земли. Получила большое удовлетворение от картин, красота которых отличается от произведений живописи других стран. Почувствовала, что рядом с нами существует такое замечательное государство, Советский Союз. Я поняла, что прикоснулась к русскому искусству».

ВАТАНАБЭ РИЦУКО, 58 ЛЕТ: «Болели ноги, поэтому не могла выйти из дома, но сегодня накануне закрытия выставки все же решила посетить ее, и не зря. Получила огромное удовольствие. В картине «Бурлаки на Волге» так выразительно показаны лица каждого человека; они как будто обращаются к нам. Смотришь на картину, и перед глазами всплывает жизнь тогдашних людей, особенность тогдашнего общества. А как тщательно нарисованы каждый стебелек, каждый колосок во «Ржи» Шишкина! У картины Ромадина стояла с затаенным дыханием и не могла налюбоваться. Хорошо, что сегодня пришла на выставку».

КОМОДА ХИРОКО, 25 ЛЕТ, СЛУЖАЩАЯ: «В прошлом году, впервые ознакомившись с советской живописью на выставке, стала одной из поклонниц изобразительного искусства Советского Союза. Просто поражена, если можно так выразиться, шедеврами, представленными на выставке. Но это не те слова. Эти картины доставляют большое удовольствие, так как ты видишь действительно красивую природу. Не нахожу слов, чтобы выразить мои чувства, которые я получила после ознакомления с выставкой. Мне особенно понравились такие картины, как «Рожь», «Подснежник», «Весна» и другие».

АОЯМА САДАО, 70 ЛЕТ, ПРОФЕССОР УНИВЕРСИТЕТА: «Во всех жанрах живописи, в пейзажах, портретах и в абстрактном искусстве современной Европы мы видим какую-то слабость, чего нет в русской и советской живописи. Русские и советские шедевры говорят нам, каким должно быть изобразительное искусство будущего. Считаю целесообразным организацию таких выставок. Я почувствовала богатый гуманизм России. Так же, как и в русской литературе, здесь на выставке я увидела стремления авторов показать Человека. И такие любители, как я, получают большое удовлетворение именно в силу того, что в наши сердца проникает это человеколюбие. Я рада, что пришла на выставку, где почувствовала это человеколюбие, человеческое тепло».

В. ДУНАЕВ

ТОВ

3 января исполняется сто лет со дня рождения видного деятеля международного коммунистического и рабочего движения, первого президента Германской Демократической Республики Вильгельма Пика.

По просьбе «Огонька» его дочь Элеонора Штаймер прислала нам свои воспоминания об отце.

Отец был моим компасом, который всегда указывал направление: честно жить, верно служить партии, изучать марксизм-ленинизм и творчески применять его для поставленных партией и правительством задач. Моей путеводной звездой были его слова: «Решающей в жизни человека является вера в победу рабочего класса, в победу социализма и коммунизма под руководством нашей партии и нашего лучшего друга — Советского Союза. Это мера всех наших дел».

КАК ОТЕЦ СТАЛ ДЛЯ МЕНЯ «ТОВАРИЩЕМ ПИКОМ»

В 1920 году я начала работать стенографисткой, закончив вечерние курсы. Мне было 14 лет. В начале 1923 года отец сказал: «Ты перейдешь к нам в ЦК. Нужна секретарша». Конечно, я с радостью согласилась. Но вскоре радость сменилась огорчением: ко мне обращались не иначе как: «Скажи, пожалуйста, отцу... Передай это отцу...» Ведь речь шла не о личных делах, я была такой же его подчиненной, как и другие. Однажды, получив очередное задание «отнести моему отцу папку на подпись», я набралась храбрости и спросила его: «Ты не возражаешь, если я буду называть тебя «товарищ Пик»? Ведь здесь, в ЦК, ты не просто мой отец, а начальник». И, краснея от волнения, рассказала ему про свои мучения. Отец хитро улыбнулся: «Ну что ж, ведь как товарищи и друзья мы с тобой больше знаем друг друга!» Я была очень горда и рада этому разрешению, отец стал для меня еще ближе.

Сейчас, может быть, многим, у кого есть отец и мать, устроенная семейная жизнь, кто ходит в школу, непонятны такие отношения с отцом. Но для меня отец был прежде всего политическим борцом, всего себя посвятившим партии и ее делу. Называть его, как другие — «товарищ Пик»,— было исполнено для меня особого смысла.

ВЕЛИКИЙ ПРИМЕР

Великим примером для отца был Ленин. С выдающимся вождем рабочего класса он познакомился в 1921 году в Москве. Самое сильное впечатление — это личный разговор с Лениным, состоявшийся 10 ноября 1921 года. Товарищи Пик и Геккерт рассказали о положении в немецкой партии, об опасности оппортунизма, о растущей ультраоппозиции. Вильгельм Пик вспоминал об этом: Ленин обладал искусством внимательно слушать, не прерывая собеседника. Когда мы закончили, он в свойственной ему непринужденной манере ободрил нас. Он рассказал, через какие трудные ситуации пришлось уже пройти РКП. Его глаза светились дружелюбием, а на лице играла лукавая улыбка. Прощаясь, он от всего сердца пожелал успехов нашей партии и подал нам руку. Тогда мы не подозревали, что это было прощание навсегда.

Дружбе с Советским Союзом, с партией

АРИЩ ПИК

большевиков Вильгельм Пик сохранил верность до конца своей жизни.

Он никогда не забывал сказать о той большой роли, какую играют Советский Союз и КПСС в развитии всех социалистических стран. Он говорил, что любить и защищать Советский Союз — долг каждого. Он говорил молодым, что в братском союзе с СССР — мир, безопасность и будущее Германской Демократической Республики.

РАЗГОВОР В КИНОЗАЛЕ

Помню, как по его инициативе в ЦК регулярно показывали фильмы и театральные спектакли новых и уже известных авторов. Однажды демонстрировался фильм молодого режиссера о молодежи и профсоюзах. Зал был полон. В конце фильма два молодых активиста, влюбленных друг в друга, уходят с профсоюзного собрания. Чудесный вечер. Полная луна заливает окрестности призрачным светом. Поют соловьи, а молодые парень и девушка с жаром спорят о профсоюзах. Фильм окончен. Присутствующих попросили высказать свое мнение. Мертвая тишина. Ведущий вновь повторяет свою просьбу. Но никто не решается взять слово. Вдруг раздается голос Пика: «Мне тоже было 17 лет, и если бы я тогда, в такую вот ночь, пошел со своей девушкой гулять, я говорил бы с ней, конечно, не о вопросах профсоюзного движения». Все облегченно смеются. Режиссер уже понял, чего не хватает в фильме, и старается не пропустить ни одного замечания. Кстати, фильм потом получился интересным.

В следующий раз обсуждался спектакль Густава фон Вангенхайма «Ты — правильный человек». Он рассказывал о задачах и целях Союза свободной немецкой молодежи. Спектакль понравился, и дискуссия была доброжелательной. Она произвела на фон Вангенхайма такое впечатление, что после обсуждения он неожиданно сказал Вильгельму Пику: «Я хочу отказаться от своего «фон», чтобы быть теснее связанным с партией». Пик ответил ему: «Для этого тебе не надо менять имя. Решает не имя, а человек и его дела. Ведь твое «фон» не помешало тебе стать коммунистом. И мы гордимся тем, что сумели убедить человека дворянского происхождения в верности марксистско-ленинских идей. Это «фон» многого требует от тебя самого, как коммуниста, а для нас ты дорог одинаково».

Снимался фильм об Эрнсте Тельмане. Вильгельма Пика попросили присутствовать на съемках одного из эпизодов, где Тельман произносил речь. Пик прервал исполнителя главной роли Гюнтера Симона: «Нет, так Тэдди никогда не говорил, это должно быть сделано по-другому». И прочитал речь перед камерой. Актер во всем с ним согласился и сказал в свое оправдание, что Вильгельм Пик, конечно, лучше помнит товарища Тельмана. Контакт между ними был установлен, и съемки продолжались с удвоенной энергией.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ «СВОБОДНАЯ ГЕРМАНИЯ»

После победы под Москвой и Сталинградом в 1943 году при содействии руководства КПСС и Коммунистического Интернационала было решено создать Национальный комитет «Свободная Германия», который объединил бы эмигрировавших в Советский Союз немецких антифашистов, пленных солдат и офицеров вермахта, порвавших с нацистским прошлым. Были открыты антифашистские школы, в которых пропагандировались идеи новой, демократической Германии. Вильгельм Пик часто выступал в этих школах, по радио, в появившейся позднее газете комитета «Свободная Германия». Он обращался к пленным, призывая их посвятить свои силы восстановлению родины, вырвать ее из мрака нацистского прошлого. Особое значение он придавал работе с пленными генералами, имевшими большое влияние на личный состав вермахта.

Комитет решил обратиться к немецкому народу с призывом свергнуть Гитлера и прекратить бессмысленную войну. Обращение должны были подписать генералы — и первым из них генерал-фельдмаршал фон Паулюс, командующий 6-й армией, взятый в плен под Сталинградом. Как рассказывал отец, Паулюс не хотел подписывать призыв к свержению Гитлера, потому что незадолго до этого из рук самого Гитлера получил рыцарский крест. Пик ответил ему: «Но вы проиграли войну, которая несет лишь напрасную смерть солдатам. Вы, генерал-фельдмаршал, отдаете себе в этом отчет? Генерал фон Зейдлиц сдался в плен вместе с тысячами солдат, потому что он убедился в бессмысленности войны и решил спасти им жизнь. Это — честное решение, достойное генерала». Паулюс поставил свою подпись.

ПРЕЗИДЕНТ РЕСПУБЛИКИ

Самым трудным для президента рабоче-крестьянского государства было соблюдать протокол, тем более что он любил находиться среди людей и хотел видеть их живую реакцию. Когда он приезжал на завод или в кооператив, все шло по протоколу: машина подъезжала, он выходил, руководители завода или кооператива приветствовали его. Он сердечно отвечал на их приветствия и направлялся к тем, кто тоже пришел встретить его. Пик сразу оказывался в центре толпы. Он жал руки тем, кого уже знал, заводил разговор с новыми людьми. И тут начиналось: как работа, какие трудности, как семья, здоров ли сын, который был болен в прошлый раз, наладилась ли учеба у дочери. Он был в курсе всех дел, потому что каждую заинтересовавшую его мелочь, каждое пожелание заносил в свой маленький блокнот. То, что мог, он выполнял сам или кому-нибудь поручал. Если что-то не удавалось, он объяснял почему. Надо было видеть сияющие глаза рабочих, когда они узнавали, что их президент, их Вильгельм, не забыл про их просьбы. Наконец, он говорил: «Ну что ж, пора начинать собрание, и вы расскажете мне, что уже сделали и что еще мешает вам успешнее выполнить план». И когда он стоял на трибуне, людям казалось, что выступает не просто президент, партийный руководитель, а один из них, их друг и товарищ. Он разъяснял политику партии и большие задачи, которые стояли перед каждым. И все, кто слушал его, не сомневались, что задачи эти будут успешно выполнены.

Сердце Вильгельма Пика билось для всех. Он излучал человечность и доброту. Он любил людей, помогал им, как только мог, и находил пути к их сердцам. Не случайно его называли «кузнец единства».

Перевод Б. ЛАБУТИНА

Берлин.

1951 год. Вильгельм Пик во время посещения одной из строек Берлина. Слева — Эрих Хонеккер, тогда председатель Центрального совета Союза свободной немецкой молодежи.

Фото Панорама ГДР.

Стихи молодых поэтов

Сегодня среди наших авторов — молодые члены Союза писателей СССР и участники VI Всесоюзного совещания молодых писателей, выпускники Литературного института имени А. М. Горького и журналисты, пробующие свои силы в поэзии.

Альбертина ИВАНОВА

ТРОПА

Когда грозит душе моей покой,
Когда желаний жажда отступает,
Тропа, веди меня своей тропой,
И пусть тревоги ветер обжигает.

Я по тебе уверенно пойду,
А ты, моя родная и крутая,
Введи меня в крестьянскую страду,
В деревню,
в ту, где с детства меня знают.

Мне там работу нужную дадут,
И пыль дорог лицо мое покроет,
И я почувствую, как важен этот труд,
Чтоб не было в душе моей покоя.

Мне все тогда не станет все равно.
Захочется испить судьбу до донца,
И, золотое зачерпнув зерно,
Веселое лицо подставлю солнцу.

ЗВЕЗДА ЛЕТИТ

В безбрежном космосе
я белая комета,
а ты светящийся метеорит.
Физический закон,
вращая нас вкруг света,
нам встречи долгожданной не сулит.

Но, вдруг войдя
в земную атмосферу,
один из нас от скорости сгорит...
А кто-то на земле
произнесет, наверно:
«Загадывай скорей—
звезда летит!»

Йошкар-Ола.

Перевел с марийского Анатолий ПАРПАРА.

Пекка ПЕЛЛЯ

ШАГИ

Шаги
не умеют
обманывать.
Они
у каждого человека
в точности соответствуют
характеру.

Было бы только желание
почаще вслушиваться
в шаги друг друга.
И надо бы прислушиваться
к своим,
чтобы понять,
что в них плохого.
Прислушиваясь к поступи,
мы бы исправили характер.

СТРОИТЕЛИ

Мы, молодые,
начиная строить
большое здание
собственной судьбы,
не разрушаем старые
поспешно,
а вглядываемся
и мысленно их разбираем.

Рачительный строитель
точно так же
не отвергает
опыта чужого
и кирпичи
строений обветшавших
кладет в фундамент
зданья своего.

Но если можно,
возводя жилища,
для скорости
ввести панельный метод
и применять
стандартные решенья,
то здание судьбы —
жилище духа,
такого отношенья
не потерпит.

Пусть будут
чертежи оригинальны.
Собственноручно
кладку возводи.

Петрозаводск.

Перевел с финского Виктор ШИРОКОВ.

Евгения ЯНИЩИЦ

ЖИВОЙ КОСТЕР

Вы видели, как вдруг
взметнулись хищно
На горизонте отблески огня?
Костры из книг...
Убийцы в Чили рыщут.
И пепел долетает до меня.
Костры из книг,
и дым — густой завесой.
И кажется:
в огне весенний сад.
Неруду жгут.
Вот так же Брехт и Зегерс
В кострах пылали сорок лет назад,
Нас мужеству и стойкости учили
И верности родной своей стране.
Горят костры из книг в далеком Чили,
И пепел их стучится в сердце мне.

●

Словно не бывало поворотов
У дорог, что знали и меня,—
Отворяет ласково ворота
Деревенька, вёсочка моя.

Что там — за воротами —
я знаю;
Рожь поспела — время убирать,
И бежит дорога полевая,
Так бежит,
что нелегко нагнать.
Я к тебе не с жалобою плоской
Еду — о себе поговорить...
Я к тебе, родная, той березкой,
Что никто не смог пересадить...

Минск.

Перевел с белорусского Вениамин ЭЛЬКИН.

Александр ЖУКОВ

●

Должно быть, это притяженье неба!
В неудовлетворенности любой —
желанье жить не только ради хлеба,
желание подняться
над собой,
от груза лет минувших оторваться.
Весной,
когда под солнцем тает снег,
сама земля пытается подняться,
свои плоды приподнимая вверх.
Травинкой,
веткой,
птицей,
человеком
в неведомые тянется края.
И потому, наверно, век от века
отцов перерастают сыновья.
И, все яснее зову неба внемля,
с земли взлетают
и летят над ней.
А все же возвращаются на землю,
как яблоки с приподнятых ветвей.
И, даже улетая в неземное
пространство, даже там,
в любой дали
все будет вечно связано с землею,
как все, что вышло из глубин земли.

Москва.

Данило КУЛИНЯК

КАЗАЦКИЙ ДУБ

Когда все ветры ночью в бой идут
И в страхе огонек тщедушный гаснет,
О чем-то шепчет одинокий дуб,
Как будто стонет от лихой напасти.

Его давно два мудрых казака
На раздорожье диком посадили.
Среди степей таврийских.
Шли века,
Стальные мышцы все копили силы...

Он голову ни разу не склонял,
Превыше всяких благ ценя свободу...
Так и стоит — началом всех начал
И символом бессмертия народа.

●

Вот вечер тихо шествует
в хлебах по пояс,
В ладонях разминая колоски...
Родная Украина!..
Пахнет хвоя,

Э. Козлов. ВАХТА НАЧИНАЕТСЯ.

М. Усманов. НОВЫЙ ГОРОД НА КАМЕ.

И стежки в гору вьются вдоль реки.
И пихты пьют озонные настои,
И звезды вновь слышны,
словно сверчки...
А вечер тихо шествует
в хлебах по пояс,
В ладонях разминая колоски.

Киев.

Перевел с украинского Николай **КОТЕНКО.**

Инара **РОЯ**

НА ПОРОГЕ ВЕСНЫ

1

Утром чайка разбудит криком меня,
Будет в стеклах дробить ураган луну.
Я руками вцеплюсь,
словно в гриву коня,
В набежавшую в резком порыве волну.
Гей, гнедая, галопом!
Солнце высветлит крылья на миг
за спиной,
И мне небо откроет свои просторы.
Буду чайкой парить
над бегущей волной,
Заведу снова с вечностью давние споры.
Гей, немая, отзовись!

2

Говоришь,
Что под солнцем балтийским живешь —
Твой покой охраняет
морская богиня...
Каждый день ты по тропке
навстречу идешь
И опять повторяешь
знакомое имя.
А я невода нити
прилежно сучу,
Чтобы рыб чешуя загоралась
из мрака.
Целый день
Я алфавиту моря учусь,
Чтобы ночью прочесть
тайный знак Зодиака.
Вновь по звездным путям,
Словно огненный плуг,
Млечный Путь мириадами звезд
рассыпается.
До утра я лицо твое
молча леплю
И гляжу, как оно
снова в вечность врезается.

3

Метель свой танец отплясала,
Зима поспешно отступает.
Где летопись ее писалась,
Весна по слякоти ступает.

Вновь разыгралось половодье,
Черемухи набухли почки.
Заплакал лед,
В лесных угодьях
Вот-вот проклюнутся листочки.

4

— Дай мне, мама,
Черемухи белый букет —
Я бы сделал весне, как жених,
предложенье!..
— Ты возьми лучше, сын,
Вьюги пепельный цвет
И один проживешь до весны
без волненья!..
— Я тропинку к порогу любимой искал,
Как мне, мама,
Пройти через топь и сугробы?..
— Я тебе покажу
глыбы горные скал,
Ну, а ты не спеша
одолеть их попробуй!..

— Дай мне, мама,
Веселую песню скворца,
Чтобы сердце любимой
покладистей стало!..
— Ты возьми лучше дайну народа-творца,
Чтоб душа твоя
Вечным огнем клокотала!..
— Дай, родная, в дорогу мне
ветра полет,
Чтобы мог я по жизни
помчаться беспечно!..
— Дам я сердца огонь,
Дам я разума лед —
Вот тебе мой наказ,
Ты храни его вечно!..

Рига.

Перевел с латышского
Евгений **АНТОШКИН.**

Татьяна **СМЕРТИНА**

●

Лосенок тычется в живот —
Его ласкает матка.
Куда, куда тебя несет,
Река родная, Вятка!

Твой берег глинист и высок,
А волнобой, все знают,
Сохатые наискосок
Едва переплывают.

Заря повыалит леса,
Уронит в воду пламень,
Туманная падет роса
На бел-горючий камень.

с. Сорвижи,
Кировской обл.

Арсений **СТРУК**

ПУТИННОЕ ВРЕМЯ

Третий месяц мы в экспедиции.
Набиваем трюмы треской.
Научились беседовать с птицами
И о доме не думать с тоской.
Берег часто рядом колышется
Сквозь туманную, зябкую муть.
Нам ночами музыка слышится,
Запах трав не дает уснуть.
Только к берегу мы не подходим,
Ведь путинное время коротко.
Капитан наш совсем не моден,
И не носят штурманы кортиков.
Мы пропахли рыбой и морем,
Соль белеет на робах медалями,
Между вахтами редко спорим,
Чаще спим, потому что устали мы.
Провисает наполненный рыбой
На дрожащих канатах трал.
Над ближайшей скалистой глыбой
Чайки снова свищут аврал.

Людиново,
Калужской обл.

Михаил **СМОРОДИНОВ**

●

Перелетная птица-память!
Почему так упорно ты
горько кружишься над полями,
где пшеницей да васильками
скрыты старых траншей следы?
Почему?
Ведь под мирным кровом
продолжается жизнь живых,
и в заботах о внуках новых
вслух все реже вздыхают вдовы
о погибших мужьях своих.
Как спокойна днем моя мама!
Ночью плачет.
И страшно мне:
беспощадная, словно пламя,
перелетная птица-память
возвращается к ней во сне.
Убирайся, бездушная птица!..
А в курилке рабочие вновь
осуждают пальбу на границе,
и течет по газетным страницам
кровь.
И гремит над налаженным бытом,
как тачанка по мостовой,
чуть кренящийся истребитель —
краснозвездный, сверхзвуковой...
Перелетная птица-память!

Пермь.

Петру **ДУДНИК**

СОЛДАТ

В огне еще шагнул
Вперед, освобождая
Еще один клочок
Земли родного края.

Превозмогая смерть,
Потом упал на спину,
Чтоб ближе к дому лечь,
Как подобает сыну.

ИНОГДА, ПО НОЧАМ...

Иногда, по ночам,
Слетая со звездных вершин,
Стучат три сокола
В окошко матери...

Выбегает мама из дому,
Среди звезд развеваются волосы,
Мать прижимает соколов к сердцу,
Отряхивает их от лунного снега.
— Родные мои, из каких вы краев?
— Родные, у вас опаленные крылья...
— Родные, не знаете ль, где ваш отец?
Ох, не шлются оттуда весточки...
А вокруг столько лунного света,
Что в душе материнской, как в светлой
горнице,
Три сына, обнявшись, стоят и смеются
сквозь слезы...

Иногда, по ночам...

Кишинев.

Перевел с молдавского
Кирилл **КОВАЛЬДЖИ.**

Стихи молодых поэтов

вила их в вазу с водой. Шло время и давало нам возможность приглядеться и освоиться друг с другом.

— Расскажи мне о себе,— попросила я.

Причастная к ее судьбе, я не могла говорить с ней, как с чужой.

— Папа умер два года назад,— ответила она на мой главный вопрос.

...Дедушка приезжал домой неожиданно, никогда заранее не оповещая. Наверное, потому, что пароходы из Закаспийского края не всегда прибывали по расписанию и бабушка Оля изволновалась бы в ожидании. Она и так последние дни волновалась. Капала в рюмку валерьянку и почти ни с кем не разговаривала. Только своей подруге тете Лусик говорила сдержанно:

— Закаспийский край — это еще совершенно дикое место. Кругом мусульмане. Узнают, армянин едет с деньгами, что им стоит: подкараулят на дороге.

Так с тех пор надолго для меня Закаспийский край — это огромная пустынная степь с

— Оля, а где ребенок?

— Наверное, в своей комнате...

Бабушка сухо поджала губы, и я поняла, что она недовольна.

— Мусинька, — сказал дед, — я мальчика привез. Туркменский мальчик. Он хороший ребенок. Помогай ему.

Он сказал «помогай», имея в виду, что помогать нужно долго, повседневно. И я поняла его.

Мальчик! В нашем доме мальчик! Пока я бежала через две комнаты и коридор к маленькой каморке, освещаемой окном, прорубленным в крыше, мечты мои открывали мне блестящие возможности будущей жизни. Дикий мальчик, которым я буду руководить ласково, но твердо! Мальчик, выросший в степях, сильный и мужественный! Мальчик, для которого я стану высшим существом, который будет повиноваться каждому моему слову на зависть всем!

И вот я увидела Мусу.

Он не казался худым потому, что у него было очень круглое лицо, над которым топор-

МОЙ ДРУГ МУСА

Нора **АДАМЯН**

РАССКАЗ

Рисунки Марины **ПЕТРОВОЙ**

Я открывала ей дверь с надеждой, что случится чудо: исчезнут десятки лет и я снова верну свое детство.

Но молодая женщина с большими глазами и хорошо очерченным ртом ничего мне не напомнила. Правда, глаза у нее были удлиненные, лицо смуглое. Четко проступали родовые, национальные черты, но не так, чтобы узнать. И я невольно сказала:

— Нет, непохожа...

Она огорчилась:

— Разве? Все считают, что я вылитый отец...

Я попыталась загладить свою бестактность:

— Может быть. Ведь я не видела его взрослым.

— Он часто вспоминал о вас.

Женщина держала в руках красные тюльпаны. Я еще почти ничего не знала о ней, но, подсознательно увязав смутные сведения с ее обликом, увидела широкие стеклянные проемы окон, снежные вершины за ними, острую солнечную прохладу зеленых предгорий. Вероятно, все это выглядело совсем иначе, но таким был в моем представлении научный центр, недавно воздвигнутый в горах.

— Далеко это от вашего дома?

Она улыбнулась.

— От маминого? Три часа.

— Поездом?

— Что вы! Самолетом. Поездом я езжу только к себе в Варшаву.

Женщина протянула мне тюльпаны. Я поста-

песчаными холмами, за которыми прячутся разбойники.

Приезжал дедушка обычно по утрам, когда я была еще в школе, но, открыв дверь, я уже знала, что он приехал,— по чудесным запахам, которыми наполнялся дом.

Остро пахли джутовые мешки, наполненные миндалем, орехами и зеленым изюмом, крупные апельсины, холщовые сумочки с сухофруктами, о которых нынче и не знают, как, например, коралловые унаби, прозрачная альбухара, пересыпанная кристаллами соли. Были торбочки с открытыми фисташками — крупными и будто выточенными из слоновой кости.

И этой снеди, которая вкуснее конфет и пирожных, можно было набирать полные пригоршни и даже делать небольшие запасы, до тех пор пока бабушка не опомнится от радости и не припрячет все в буфет и стоящий на веранде ларь.

А над этим необычным беспорядком — просоленным шпагатом, мешками, ящиками, над всеми запахами и диковинками — мой дед.

Как мне рассказать о нем Марии, которая родилась много позже его смерти? Как воссоздать образ человека, которого достаточно было видеть всего несколько минут, чтобы понять его красоту и значительность? Но Мария должна знать о нем, потому что он изменил судьбу ее отца...

Я, взрослая, тринадцатилетняя девочка, тихонько визжала и пританцовывала на месте. Так в те годы выражалось мое счастье. Дедушка, большой, как Эльбрус, с серебряной головой и румяными щеками, чмокнул меня в голову и спросил:

щилась бахромка челки. Глаза узкие, спрятанные под припухшими веками. Вместо рта — небольшая линия. На острой макушке — тюбетейка.

Я стояла перед мальчиком, сразу разрушившим все мои радужные представления о будущем. Стояла и смотрела. Муса тоже смотрел.

Он первый мне улыбнулся.

У всех людей в улыбке глаза уменьшаются, а у него они расширились, стали коричневыми и блестящими. Муса протянул мне очень тонкую коричневую руку и сказал по-русски, тщательно выговаривая слоги:

— Здрав-ствуй...

Это слово я слышу так, точно оно прозвучало вчера. А все, что было потом, самые первые дни жизни Мусы в нашем доме и как мы с ним поначалу объяснялись, не сохранилось в моей памяти.

Помню недовольные интонации бабушкиного шепота, особенно когда у Мусы обнаружился стригущий лишай, и спокойный, полнозвучный голос деда:

— Что ты хочешь, жена? Сирота, заброшенный ребенок...

— А как же Мусинька? — сказала бабушка.— Это очень заразная вещь.

— Не бойся, своим делом займись. О плохом не думай. Ничего Мусиньке не будет.

Лишай ко мне не пристал. С ним дело както обошлось. Вылечили. А говорить по-русски Муса научился необычайно быстро. Учитель, который приходил готовить его в школу, несколько театрально выражал бабушке свое восхищение:

— Необыкновенно способный и, главное, усидчивый ребенок!

Недоверчивая бабушка светски улыбалась и качала головой, но в словах учителя не было преувеличения. Муса удивлял меня упорным познанием жизни через учение. А я считала все занятия в школе выдуманной, обязательной неприятностью, не имеющей никакого отношения к жизни, и черпала знания непосредственно из окружающего мира.

Про меня говорили:

— Очень способная, но ленивая...

Формула, которая стала для меня потом безошибочным предсказанием несостоявшихся талантов...

Часто среди дня, в разгар своего энергичного безделья, я врывалась в комнату Мусы. Он почти всегда читал. Читал увлеченно и напряженно. Для меня тоже исчезало все окружающее за страницами «Острова сокровищ» или «Голубой цапли», но Муса читал учебники! Шевеля губами, он вникал в грамматику или природоведение. Это было ему по-настоящему интересно. Он познавал!

— Я теперь всегда могу правильно говорить. Именительный — кто пришел? Собака. А кого побили? Я уже не скажу «собака», а скажу «собаку». Кому дали мясо? Собаке.

А я в свое время заучивала падежи механически, никак не поверяя ими собственную речь.

— Знаете, папа был настоящим ученым,— говорила мне Мария.— Раньше мы с мамой как-то этого не понимали. Профессор, завкафедрой, книги у него выходили. А для нас он — Мусиша и Мусиша. Очень мягкий, добрый был дома. Я как-то поддалась моде и косы отрезала. Очень боялась маме показаться. А главное — сама себе не понравилась стриженая. Иду домой из парикмахерской, чуть не плачу. Пошла прямо в сад — там у нас беседка над арыком. Папа в ней с аспирантами занимался. Вокруг него всегда молодежь толклась. Он вышел из беседки, посмотрел на меня, сразу все понял. «Ничего, дочка, не расстраивайся, главное, береги здоровье, береги здоровье...» Так с ним легко было!

Мне тоже было с ним легко. В его каморке стоял лишь топчан, застланный толстой кошмой, которую он привез с собой. Спать на тюфяке Муса отказался. Подушка у него тоже была своя, тоненькая, в яркой сатиновой наволочке. В комнате еще был небольшой стол и тумбочка из бабушкиной спальни — серая на выгнутых ножках. Надо же было мальчику куда-то уложить свои вещи, и не покупать же специально для него шкаф.

Я отсиживалась в этом убежище в дни, вернее, часы, черной меланхолии (по определению бабушки). Это бывало, когда наша классная руководительница Алиса Ивановна, подводя итоги четверти, наткнувшись на мою фамилию, патетически возглашала:

— О, тут у нас целый букет: алгебра, геометрия, физика, астрономия,— да, мы тогда проходили астрономию, — четыре предмета неудовлетворительно! — И поднимала кверху острый палец.

Или когда преподавательница математики Ольга Онисифоровна выводила мне очередной «неуд», приговаривая не без удовольствия:

— Нет уж, милая, твои литературные таланты на этот раз не спасут тебя от переэкзаменовки по геометрии...

В такие дни, примчавшись домой и швырнув сумку куда попало, я уединялась в комнате Мусы (его присутствие мне никогда не мешало) и писала стихи:

Пускай шипят встревоженные змеи,
Пускай клевещет червь, пускай язвит оса,
Мы к небу высоко свои знамена взвеем,
Приладим крепче руль и вздуем паруса...

И так далее. Куплетов на десять. Потом это публиковалось в нашей школьной стенной газете, и никто не смог бы доказать, что это стихи не о происках империалистов.

Дорогие мои, прекрасные педагоги! Ни разу за все годы моей учебы у меня не было ни одной переэкзаменовки именно по причине моих успехов в гуманитарных науках. Репутация лучшего поэта нашей школы придавала мне нахальную уверенность в безнаказанности.

Излив душу в творчестве, я отправлялась промыслить что-нибудь вкусное. Длительный период это было ореховое варенье в большой стеклянной банке. Как-то я обнаружила, что пергаментная бумага, покрывающая банку, легко приподнимается. Тут же я извлекла из банки большой черный орех, наполненный ароматным соком.

Надо сказать, что варенье из орехов редко делается дома. Его заказывают женщинам-специалисткам, которые срезают с грецких орехов младенческого возраста тонкую шкурку, вымачивают их в известковом растворе, словом, возни тут на три недели.

В этом году бабушка заказала сто орехов. Я справедливо решила, что пересчитывать их никто не станет, и в грустные минуты услаждала орехами себя, а заодно и Мусу. Мы с ним съедали по ореху в его комнате, после чего я

отправлялась познавать мир уже в улучшенном настроении.

Но все кончается. И однажды я долго бултыхалась пальцами в густом сиропе, прежде чем нащупала орех. А когда бабушка в ожидании гостей собралась открыть банку, то обнаружила всего десятка полтора орехов, сиротливо утопающих в соку.

Кого же заподозрили? Конечно, меня! Я отрицала вину с такой гневной горячностью, что сама почти уверилась в своей правоте. Но дедушка, недовольно морщась, негромко сказал:

— Хватит, Мусинька, не устраивай театр...

А бабушка, поджав губы, гремела связкой ключей, запирая дверцы буфета.

Но ведь Муса был тут же, за столом! По всем законам высокой литературы он должен был бесстрашно взять мою вину на себя, тем более что эти орехи ели мы вместе! А он молчал и даже с интересом вертел головой, наблюдая за моим позором.

— Предатель! — сказала я ему, вложив в свои слова глубокое презрение.

Он удивился.

— Не понимаешь, да? Ты не ел орехов, да?

— Я их не брал.

— А выручить товарища — ты это понимаешь?

— Ты сама не понимаешь, — сказал он.— Я один, без отца, без матери...

— Подумаешь! У меня тоже мама в Москве учится, папа в экспедиции...

— Ты своя. А я кто? Всем чужой...

И вдруг он заплакал.

— А зачем ты сюда приехал?

И я услышала имя, которое уже не раз повторялось в нашем доме:

— Меня Шох послал...

Мой дед был специалистом по хлопку. В первые годы Советской власти он часто ездил в Закаспийский край как хлопковод-практик, как человек, знающий азербайджанский, туркменский, фарсидский языки и имеющий личные дружественные связи с кочевыми племенами. Главой одного из крупных родов кочевников был Шох. А Муса — сирота, крошечное зернышко этого рода, которого не жалко послать в Россию, чтобы потом иметь в своем распоряжении грамотного, владеющего русским языком и потому полезного человека.

Нужно ли женщине, которая сидит сейчас напротив меня, знать о прошлом ее отца? Что связывает ее с прошлым?

— Папа был мелиоратор, а я стала геологом. В первый же год, как закончила институт, получила путевку в международный молодежный лагерь. Там встретила Стаса. И как-то очень быстро у нас все решилось. Мама в ужас пришла: в чужую страну не пущу, и все! А папа у меня был особенный. Ему не хотелось со мной расставаться, но он ни словом меня не удерживал. Только одно твердил: всюду оставайся сама собой, старайся поглубже понять людей, с которыми тебя свела жизнь... Сначала я поехала в Варшаву по приглашению. Вроде смотрин. Встретили меня приветливо, ласково. А вечером я вошла в комнату его матери — она лежит на кровати и плачет. Ну, просто рыдает. Языка я тогда еще не знала. Что делать? Села на кровать, обняла ее и тоже заплакала. Она говорит, что вот в этот вечер меня и полюбила...

Нет, вы не думайте, что потом уже все было легко и просто. Помню, когда я уже совсем переехала и язык уже знала,— не так, как сейчас, но все понимала,— слышу, моя свекровь говорит соседке:

«Мало ему было девушек в Варшаве. За него любая пошла бы. Так нет, ему туркменка понадобилась...»

А я уже беременная. Сгоряча решила — уеду к отцу. Чемодан стала укладывать. А потом поняла — не могу от Стаса уехать. Зато, когда близнецы родились, свекровь с ними ночи не спала, сама и купала и пеленала... Так же самоотверженно, как у нас делается... И я тогда особенно поняла то, что не раз повторял мой отец: между людьми всех наций больше сходства, чем различия...

Шох сказал: «Выучишься, вернешься и станешь моей правой рукой». Эту единственную фразу, обращенную непосредственно к нему, услышал Муса из уст великого человека своего детства.

Мне он рассказал об этом много позднее. А пока всякое упоминание о Шохе заставляло его благоговейно настораживаться. А я в то время, во-первых, ниспровергала авторитеты, а во-вторых, Шох не мог быть более весомым, чем мой дед.

И вообще Мусу надо было перевоспитывать.

— Подумаешь, Шох! — Я выражала презрение не только голосом, но и брезгливой гримасой.— Вот объясни мне, что в нем такого особенного?

— Шох не знает счета своим верблюдам! — отбивался Муса.

— Он, может быть, только до десяти умеет считать?

— Шох очень умный. Его все слушают.

— Умный! Он, наверное, даже не знает, кто такой Пушкин!

— Шох читает коран! Шох был в Мекке! Шох святой!

Я злилась, но сломить Мусу в словесном поединке не могла. А мне хотелось воспитать из него нового человека, лишенного фанатизма, предрассудков и кумиров.

Надо было как-то действовать. Я его накормила свининой.

Дело в том, что запрещенная кораном свинина представлялась Мусе главным образом в виде колбасы, от которой его особенно предостерегали в Туркмении. И когда у нас на столе появлялась колбаса, он опасливо, бочком, сползал со стула и удалялся в свою каморку. Мое возмущение ничуть не помогало.

— Да это телячья колбаса, пойми!

— Одно слово — колбаса,— говорил он, в ужасе растопыривая пальцы.

— Ну и что с тобой будет, если ты ее съешь?

Он закрывал глаза.

— Очень плохо будет.

— Это предрассудок, пойми!

— Мусинька, я не буду есть колбасу. Я умру.

Дедушка, человек прошлого времени, брал сторону Мусы.

— Не трогайте его. Это все постепенно пройдет.

Но ждать было не в моем характере. Я сделала два бутерброда из буженины, которая по виду совсем не похожа на колбасу, и мы с Мусой, готовые поглощать пищу в любое время, съели их почти сразу после обеда.

— Очень вкусное мясо,— одобрил Муса.

Я все-таки немного побаивалась своего эксперимента и потому выждала полчаса, убедилась, что Муса в полном здравии, и спросила невинным голосом:

— Так, правда, вкусное было мясо?

— Очень вкусное!

— А это была свинина!— с торжеством объявила я.— Свинина, и ничего с тобой не случилось. Вот теперь ты убедился, что это предрассудок?

А Муса вдруг с размаху упал вниз лицом. Он лежал на полу и не откликался на мои уговоры. В смятении я сперва убежала, потом вернулась снова. Муса перебрался на топчан, теперь он лежал лицом к стене и по-прежнему не хотел меня видеть. Его поразило горе. Он не открывал глаз, не зажигал света. Я тронула его худенькое плечо. Оно было напряжено и вздрогнуло от моего прикосновения. Он плакал.

Я пошла к дедушке. Спокойный и благодушный, он сидел за большим обеденным столом, раскладывал пасьянс «косыночка» и пел высоким тенором. У деда были три любимые песни: «Сердце красавицы», «Пой, ласточка, пой» и несложный мотив, содержащий одну строчку непонятного текста: «Пури, пури, давай пумпури». Именно эту последнюю песню дедушка и выпевал, когда я подсунулась ему под руку.

Я была уверена, что Муса все расскажет, и, конечно, боялась. Но еще больше боялась, что он действительно умрет. Внушала себе, что у мальчика уже начались судороги. Так я дедушке и сообщила — «судороги», скрыв пока что причину внезапной болезни Мусы.

Дед пошел в каморку, а я пристроилась у двери, хотя подслушивать было бесполезно. Присев на топчан и положив мальчику на голову большую белую руку, дедушка заговорил с ним по-туркменски, на секунду прервав себя, чтобы внушительно крикнуть:

— Муся, закрой дверь!

Я приготовилась к худшему и подыскивала опору своему слабеющему духу. Прогрессивное и бескорыстное направление моих побуждений — вот в чем была моя сила. Люди всегда страдали за правду.

Но на этот раз мне страдать не пришлось. Дедушка позвал меня в столовую и, собирая со стола маленькие карты несостоявшегося пасьянса, сказал не сердито, а даже просительно:

— Развлеки его чем-нибудь, Мусинька. Ты, если захочешь, придумаешь. Тоскует мальчишка. Он утром открывал глаза — кругом степь, свобода. Тоскует. Жалко ребенка.

Он вынул из кармана жилета три рубля — сумму по тем временам значительную.

— Может быть, в кино его поведешь...

В этот день идти в кино было поздно. Но на меня нахлынула радостная жажда деятельности. Муса поступил благородно. Он не выдал меня, и я должна была немедленно вознаградить его.

Я переворошила ящики своего шкафчика. Не дарить же ему модное кашне джерси или флакончик духов — самые мои большие ценности.

Толстая тетрадь вся исписана моими стихами... Акварельные краски — остатки на донышке... Но я знала, что найду вещь, достойную внимания. И нашла. Черный листок копировальной бумаги. Муса еще не знал ее волшебных свойств.

— А что я тебе сейчас покажу!

Он повернул ко мне голову и покосился любопытным глазом.

— Можно в точности срисовать любую картинку из книжки...

Я вложила лист белой бумаги и копирку между страницами Брема и, встав на колени перед тахтой, быстренько перевела индийского слона.

Муса не умел притворяться. Черная копировка поразила его, как чудо. Он спрыгнул с тахты и пожелал сам воспроизвести именно того же слона. Весь вечер мы занимались копированием картинок из учебников. Муса не расставался с черным листочком. Он принес его даже к вечернему чаю.

— Ах, какой умный человек придумал такую бумагу! Он, наверно, был профессор!

В щелочках век счастливо сияли его глаза.

— Очень был умный человек,— серьезно подтвердил мой дед.

Ничего этого Мария не знала. Да ведь и что знать? Зато она рассказала мне, как женился ее отец. Рассказала трогательную семейную легенду, полуправду, созданную и любовно раскрашенную ее участниками.

История начиналась с появления на свет будущей жены Мусы, которая родилась от невозможного по тем временам союза юноши еврея с чувашкой. Родители влюбленных жестоко преследовали молодую пару, разлучали мужа с женой, а их ребенка поочередно выкрадывали то еврейские, то чувашские родичи. И наконец мать Марии, тогда еще совсем молодая женщина, лишившись всех близких, нашла пристанище на должности уборщицы в Ташкентском сельскохозяйственном институте, где учился Муса.

— А у папы, представляете, был роман с одной пианисткой. Красавица была невиданная. Все думали, что папу оставят при институте — он был очень способный,— но вдруг его при распределении послали в Андижан. И она ему отказала! Представляете?

Уже в последние дни перед отъездом папа вышел в институтский парк, а мама с подругой вытряхивала там половики. Мама и говорит: «Вот вы уезжаете, а мы опять же тут остаемся». Папа в шутку возьми и скажи: «Поедем со мной!» А мама ответила: «Все вы так смеетесь, а жениться никто не женится». А папа сразу ей всерьез: «Пойдем завтра в загс». И пошли! Началось как будто с досады, а потом такой счастливый брак вышел...

— А почему его не захотели оставить при институте?

— Ох, это страшная глупость! Он был сыном бедного пастуха, рос сиротой, а ему все время приписывали богатого родича, бая. Очень долго за папой эта ниточка тянулась. Но он был такой талантливый! И докторскую защитил и кафедрой заведовал...

Окончание следует.

1 января национальный праздник Республики Куба — День освобождения.

Юрий ГРИБОВ

Фото автора

СИБОНЕЙ

Здесь отдыхают семьи рабочих.

Густаво Эгурен, один из секретарей Союза писателей и деятелей культуры Кубы, приехал к нам в отель «Ривьера» раньше обычного, еще до завтрака, и радостно сообщил:

— Сегодня увидите Сибоней!

Каждому кубинцу известно это небольшое местечко, крестьянская ферма километрах в тринадцати от города Сантьяго-де-Куба. Отсюда Фидель Кастро двадцать шестого июля 1953 года повел свой отряд на штурм казармы Монкада. А о Сантьяго-де-Куба с гордостью говорят: «Мятежный вчера, гостеприимный сегодня, героический всегда».

За завтраком мы спрашиваем Густаво Эгурена, полетит ли он с нами.

— Но, компаньеро! — отвечает Густаво.— В Союзе писателей мне поручена другая работа, а с вами полетит поэт Роберто Бранли. Все будет отлично! А сейчас предлагаю... как это у вас, у русских... за дорожку!

— На дорожку!

— Си, компаньеро! На дорожку!

Литературовед и критик Борис Бялик, консультант и переводчик Александр Кабанов и я — вот делегация Союза писателей СССР, командированная на остров Свободы. Когда в Гаване нас спросили, что нам показать в первую очередь, мы дружно ответили:

— Сегодняшнюю Кубу. Хотим посмотреть, что дала людям революция, как изменилась жизнь за годы народной власти.

Наша просьба была исполнена. Мы убедились: да, революция преобразила Кубу. С помощью стран социализма и в первую очередь Советского Союза кубинский народ достиг многого.

В Гаване, на табачной фабрике «Партагас», возле ворот которой раньше толпились безработные и нищие, рабочий Эвелио Эрнандес Кастильо сказал нам:

— Вот в чем, компаньеро, главное: мы стали хозяевами своей жизни. Фабрикой управляем сами. У нас сейчас порядок, люди довольны. Я-то знаю, как тут раньше было,— тридцать восемь лет уже здесь, двенадцатилетним привели на эту фабрику. Нам, неграм, приходилось особенно худо. А сейчас революция дала мне постоянную работу, квартиру. Нет, компаньеро, вы не поймете, надо было пожить в той, старой Гаване, с протянутой рукой постоять...

Фабрика производит сто тысяч сигар в день, лучших, пожалуй, в мире,— гаванских сигар. Рабочие сидят за длинными столами, отбирают и свертывают листья. Создать сигару, именно создать,— искусство.

Мы заметили, что рабочие с увлечением слушают радио. Сопровождающий нас Висенте Диас объяснил:

— Писатель Мануэль Кофиньо Лопес читает свой роман «Последняя женщина и близкий бой». Каждый день к нам приходят политинформаторы, выступают писатели и артисты. Мы поставили репродукторы, чтобы каждый цех слышал. Это не мешает, а помогает работе. Вчера поэты Педро Ораа и Роберто Бранли читали свои стихи. Онэлио Хорхе Кардосо ждем, прозаика.

Побывали мы и в квартирах рабочих. В пригороде кубинской столицы, в Аламаре, живет больше двадцати тысяч человек. Фидель Кастро назвал Аламар одним из наиболее выдающихся достижений революции за последнее время. Еще четыре года назад здесь был пустырь. Создали строительные бригады. Они уже возвели 167 жилых домов, еще более ста строятся. Открыто шесть начальных школ-интернатов, шесть детских садов, три торговых центра, мебельная фабрика, фабрика готовой одежды, кинотеатр, концертный зал, поликлиника...

Инструктор строительных курсов Барбаро Дупорте показал нам макет нового города. Барбаро — студент Гаванского университета, член Союза молодых коммунистов. Вечерами учится, а днем работает здесь, в Аламаре.

— Через десять лет вы не узнаете нашего Аламара,— с гордостью говорит Барбаро, показывая на кварталы, которым предстоит вырасти на обожженной солнцем равнине.— Красивый будет город, праздничный, как сама Гавана.

Он и теперь уже впечатляет, новый Аламар. Аламар — это значит «у моря». Почти с любого балкона виден голубой залив. Всюду пальмы, густые тропические деревья. Легкие, высокие дома расцвечены разными красками. У каждого дома много веселой детворы. На Кубе очень любят ребятишек. Все лучшее детям — таков лозунг партии и правительства.

Из окна нижнего этажа высовывается молодая женщина:

— Робертико, Орландо, Россария! Быстро домой! Я кому сказала?

Заметив нас, женщина здоровается и приглашает зайти. Зовут ее Эрминия Альманса. Муж Эрминии, Роберто Санчес, уже четыре года работает в строительной бригаде. Ребят она отдает в детский садик. Квартиру, большую, удобную, с длинным балконом, семья получила в прошлом году. В комнатах новая мебель, телевизор с большим экраном.

— В таких домах раньше сеньоры жили,— говорит Эрминия.— На эту квартиру мы бы с Роберто за всю жизнь не заработали. Сейчас на Кубе все от нас самих зависит.

По субботам и воскресеньям мы отправлялись на пляжи Варадеро или Санта Мария.

Кубинские пляжи — это белый чистый песок, круглый год горячее солнце, теплая прозрачно-синеватая вода, заросли южных сосен по всему побережью, аромат которых дополняет неповторимые морские запахи. Только богачи могли отдыхать в таких местах. А сейчас в прекрасных отелях, в удобных домиках на берегу можно встретить рабочие семьи, молодоженов. Они проводят здесь отпуска, приезжают на выходные дни.

— Мы благодарны революции,— говорят кубинцы.— Революция возвеличила Кубу, принесла ей счастье. Новая эра началась с того дня, когда товарищ Фидель Кастро двинулся от Сибонея на казармы Монкада...

Сибоней, Сибоней... И вот мы подъезжаем к нему. Узкая дорога ведет к деревенской ферме, мимо высоких холмов, заросших тропической зеленью, мимо садов и низеньких хижин. Тишина. Только где-то за изгородью изредка покрикивают петухи да шелестит колесами машина. У входа нас встречает Динора Кобас Пуэнтес — хранительница музея. Теперь в Сибонее революционный музей. Народ захотел сохранить эту ферму, свидетеля тех героических дней: ведь Сибоней — первый шаг революции.

Передняя стена фермы прошита автоматными пулями. В комнатах фотографии бойцов группы Фиделя. Совсем молодые лица. В глазах решимость. Их было всего около ста. Они знали, что могут погибнуть: в казармах Монкада был большой гарнизон, вооруженный до зубов, а у патриотов Фиделя — всего несколько винтовок и охотничьи ружья.

На полочках лежит окровавленная одежда погибших, пистолеты и винтовки, книги, блокноты, письма. Динора ведет нас во двор. Рядом с домом несколько сараев и колодец. В сараях были укрыты грузовики, на которых патриоты ехали на штурм, а колодец служил тайным складом оружия.

— В 1974 году в дни своего визита на Кубу к нам приезжал товарищ Брежнев,— поясняет Динора.— Вот здесь, у этого знаменитого колодца, Фидель рассказывал товарищу Брежневу о том, как он с группой бойцов штурмовал Монкаду, как потом с восемнадцатью товарищами укрывался за хребтом Гран-Пьедра. А товарищ Брежнев вспоминал бои под городом Новороссийском. Он оставил запись в Книге почетных гостей. Вот эта запись...

Динора принесла книгу, и мы прочитали: «Здесь, в этом скромном доме, где готовилось революционное выступление против тиранического режима Батисты, ясно ощущаешь, какая могучая, неодолимая сила заложена в идеях свободы, справедливости, социализма».

Гавана — Москва.

СУРСКИЕ ПЕСЕННИЦЫ

Л. ШАМЕНКОВА

Фото М. САВИНА

Трепетно и дрожко моросит над землей прозрачная пинежская ночь. Неотразимая тайна ее, быть может, не в том, что вот ночь, а на небе ни звезд, ни луны и вокруг что-то неясно-серебряное, а, пожалуй, в самом этом серебристом мерцании, скромном, как бы притаившемся за горизонтом, но позволяющем угадывать, что это не свет вовсе, ясный, всепроникающий днем, а его отражение, принявшее матовый отблеск, переменчивый, как чем-то потревоженная вода. Слияние двух зорь, отгоревшей вечерней и еще не проснувшейся утренней, посылает в пространство тот тревожащий душу оттенок, какой можно уловить при наших среднерусских рассветах — где-то на изломе мрака и неясной, тихой наступающей молочной белизны.

В такую ночь уснуть невозможно. И мы с Алевтиной Игнатьевной сидим на кухне и разговариваем.

— Раньше-то об эту пору мама всю ночь на машинке строчит,— говорит она,— и каждый шовчик видать. А теперь то ли тучи мешают, то ли природа пошатнулась, а нет того свету, что прежде.

Я с дороги никак не могу согреться. Ну и вырядилась в северные края: свитер из синтетики да плащик негреющий с собой взяла.

— Что ж ты, девушка, аль не знала, куда ехала?— укоряет меня Алевтина Игнатьевна, складывая на печи мое «ремошье»— так она называет одежду.

— Не знала,— отвечаю, а сама понемногу отогреваюсь в этом уютном доме, пропитанном духом невыветренных молочных крынок и чего-то еще, что отличает воздух в деревне.

Алевтина Игнатьевна Мёрзлая, высокая женщина лет 63, красива воспоминаниями о былой красоте, что придает ей особенную, горделивую стать. В войну была председателем сельсовета, от тех дней осталась в ней властная сила речи и духовная собранность. В ту пору молодая синеглазая женщина с широким лбом и сильными плечами была олицетворением воли колхоза, невзгод его и труда, борьбы и ожиданий.

— Теперь-то в Сурах не так живут, как прежде,— говорит она,— старухи и те в нейлоны оделись. А раньше на трудодень присчитывали по килограмму ячменя. Дома его жерновами размелют, самовар вскипятят да муку эту распарят. Некогда было пекчи! Мусёнки-то поедят да на работу. По три упряжки пахали, до самого вечера. А ночью мало что мусёнку ели, да еще и песни пели. Ты вот в Карпогорах была, так там не так протяжно поют. У нас в Сурах пение особое. О прошлом годе к нам один мужчина из Ленинграда приезжал, так наши женщины ему за неделю сто девяносто песен напели.

— Откуда же вы столько знаете?

— Так ведь с детства все с песнями. Нас у мамы, мало сказывать, двенадцать было — семеро девочек да пять братьев. Дом был большой, с вышкой. Вот зимой начнем прясти — столько песен перепоем. «Верба, вербочка, золотая кисточка»... Или вот такую, послушай-ко.

Алевтина Игнатьевна прокашливается, распрямляет плечи и заводит: «На реке было, на речке, на реченьке, ой да, на ракитовом кустышке, на малиновом листышке соловей-птица песни поет, да красным девицам честь воздает, молодицам назовы передает...» Много чего пели,— продолжает она, расправляя на коленях передник.— Летом, помню, кануны у нас были — гулянье под праздник. Я в девушках на лесозаготовках работала. Приеду домой, а мама жалуется: «Послушай, что люди говорят: «Игнатья-то невестки дома прядут, а Алька-то все в лесу. Шла бы ты, девка, замуж». Вот приезжает за мной брат. Мы с подружкой наряды-то все в стопочку складем, в платок-то завертим, сами верхом, а наряды-то в руках, на бочке держим. Вот канун подойдет, все собираются на гулянья. Ходим по улице, по-над берегом и поем: «Вы попойте-ко, девушки, поиграйте, голубушки, да на своей воле у батюшки, да на неге у матушки. Скоро, скоро девку замуж отдают, скоро волюшка

Посиделки у Алевтины Игнатьевны Мёрзлой (крайняя справа).

Анна Лаврентьевна Постникова.

минуется, красота с лица стеряется, неровно взамуж выдется, неровен муж навернется, либо старо удушливое, либо младо нездружливое...»

Словно спохватившись, Алевтина Игнатьевна говорит:

— Чай-то согрет у меня, вы попейте, а то простыгли.

Света мы не зажигаем. Алевтина Игнатьевна глядит в окно и, думая о чем-то своем, произносит:

— Ничего, будет еще и погода.

На другой день и впрямь начались на небе бурные перемены: темные тучи схлынули, вместо них проступили белые, потом их опять закрыло непогодой, брызнул дождь, и, наконец, окончательно прояснилось. Боясь упустить погожие часы, я заторопилась к реке на тот берег.

— Ой, проходишь зря,— забеспокоилась Алевтина Игнатьевна.— Слыхивала я, лодочник-то запил, другого послали искать.

Ждать времени не было, и я пошла наудачу, авось, кто-нибудь отчалит с того берега. Перевез меня кладовщик совхозной пристани Василий Артемьевич Ширяев. От него я услышала, что в деревне Городецке живет восьмидесятилетняя Анна Лаврентьевна Постникова, знающая бесчисленное множество старинных песен.

Городецк, Городецк, удивительная деревня... Видно, исполины заселили ее в давние времена, так кряжисто, тяжеловесно уминают землю почерневшие ее срубы, так мощны колодцы-журавли с необъятным колесом для вращения цепи. У домов этих, построенных дедами нынешних жителей, валяются детские велосипеды, хлорвиниловые игрушки. Над крышами, увенчанными деревянными коньками, торчат антенны радиоприемников. Но новизна не вытеснила еще затаившихся здесь преданий, сказок, не унесла привычки отмечать важнейшие события в жизни человека старинными песнями. Играют ли свадьбу, провожают ли призывников или, не дай бог, помрет ктонибудь в деревне, непременно зовут А. Л. Постникову. Петь она уже не поет, но строго следит, чтоб правильно вели голоса женщины помоложе, а то иной раз загуляет мотив, как подвыпивший мужичок, потерявший дорогу.

Выслушав меня, Анна Лаврентьевна усмехнулась:

— Каку артистку нашла!— И строго спросила: — Радио тебе мало! Весь день поет! — Только после моих настоятельных уговоров она заправила под платок седенькие волосы и начала:

— Ты, Людмила, Людмилушка

Северная сказка.

Дни недели	ЯНВАРЬ	ФЕВРАЛЬ	МАРТ	АПРЕЛЬ	МАЙ	ИЮНЬ
Понедельник	5 12 19 26	2 9 16 23	1 8 15 22 29	5 12 19 26	3 10 17 24 31	7 14 21 28
Вторник	6 13 20 27	3 10 17 24	2 9 16 23 30	6 13 20 27	4 11 18 25	1 8 15 22 29
Среда	7 14 21 28	4 11 18 25	3 10 17 24 31	7 14 21 28	5 12 19 26	2 9 16 23 30
Четверг	1 8 15 22 29	5 12 19 26	4 11 18 25	1 8 15 22 29	6 13 20 27	3 10 17 24
Пятница	2 9 16 23 30	6 13 20 27	5 12 19 26	2 9 16 23 30	7 14 21 28	4 11 18 25
Суббота	3 10 17 24 31	7 14 21 28	6 13 20 27	3 10 17 24	1 8 15 22 29	5 12 19 26
Воскресенье	4 11 18 25	1 8 15 22 29	7 14 21 28	4 11 18 25	2 9 16 23 30	6 13 20 27
Дни недели	**ИЮЛЬ**	**АВГУСТ**	**СЕНТЯБРЬ**	**ОКТЯБРЬ**	**НОЯБРЬ**	**ДЕКАБРЬ**
Понедельник	5 12 19 26	2 9 16 23 30	6 13 20 27	4 11 18 25	1 8 15 22 29	6 13 20 27
Вторник	6 13 20 27	3 10 17 24 31	7 14 21 28	5 12 19 26	2 9 16 23 30	7 14 21 28
Среда	7 14 21 28	4 11 18 25	1 8 15 22 29	6 13 20 27	3 10 17 24	1 8 15 22 29
Четверг	1 8 15 22 29	5 12 19 26	2 9 16 23 30	7 14 21 28	4 11 18 25	2 9 16 23 30
Пятница	2 9 16 23 30	6 13 20 27	3 10 17 24	1 8 15 22 29	5 12 19 26	3 10 17 24 31
Суббота	3 10 17 24 31	7 14 21 28	4 11 18 25	2 9 16 23 30	6 13 20 27	4 11 18 25
Воскресенье	4 11 18 25	1 8 15 22 29	5 12 19 26	3 10 17 24 31	7 14 21 28	5 12 19 26

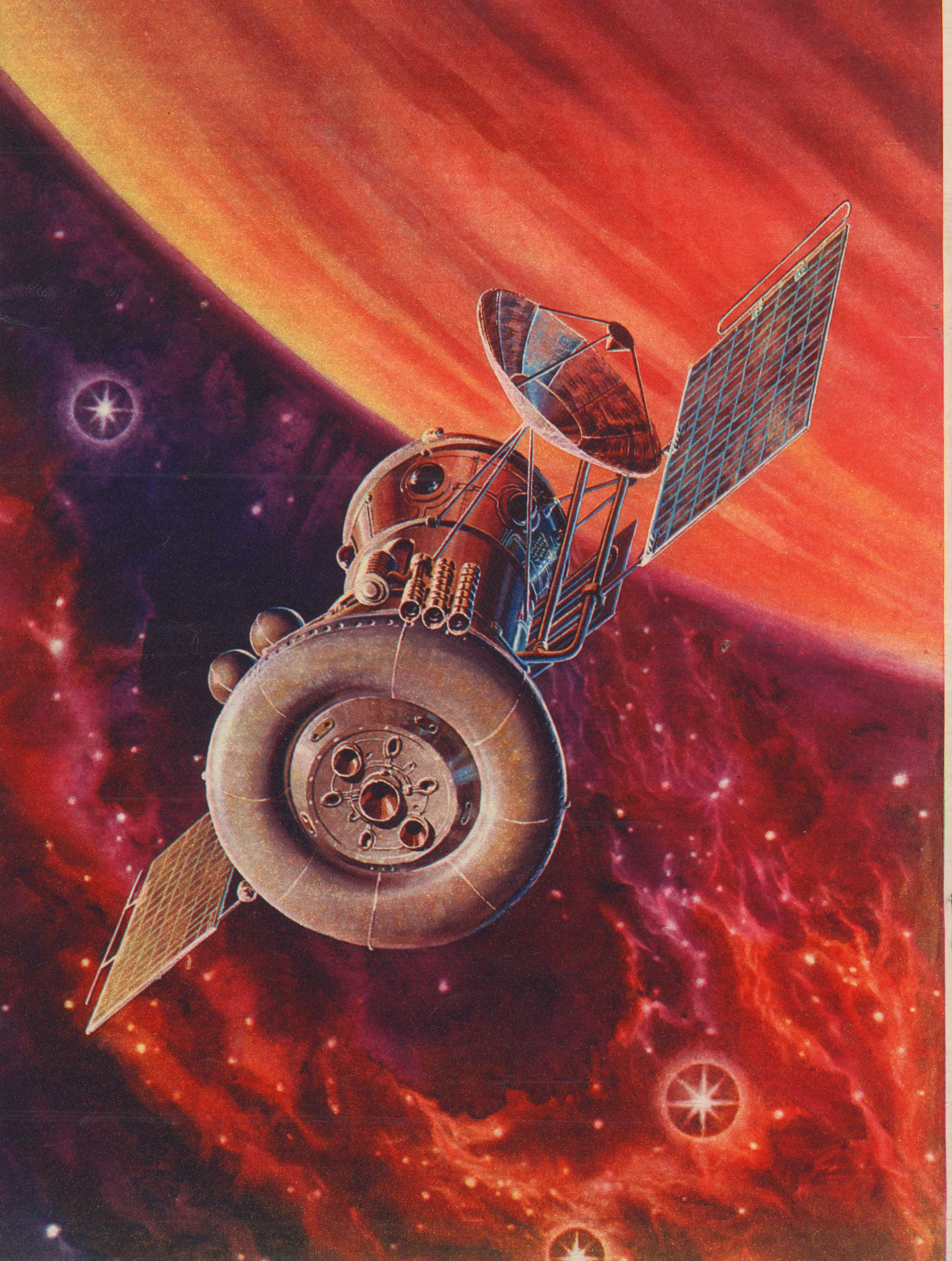
1 ЯНВАРЯ — Новогодний праздник, 8 МАРТА — Международный женский день, 1—2 МАЯ — День международной солидарности трудящихся, 9 МАЯ — праздник Победы, 7—8 НОЯБРЯ — 59-й год Великой Октябрьской социалистической революции, 5 ДЕКАБРЯ — День Конституции СССР.

С НОВЫМ
ГОДОМ,
ДОРОГИЕ
ТОВАРИЩИ!

А. Соколов. В ДАЛЬНЕМ РЕЙСЕ

Художник-любитель Владилен Бутюков.

Карпогорский народный хор.

На улицах Карпогор.

Городецкие хоромы.

Семеновна, да ты сама да большой доросла, ты сама до вины дожила, ты сама вину сделала, да молода князя на сени завела, да со сеней на угоренку, да за дубовый стол посадила, да чаем-кофеем напоила, да на красно крыльцо вывела, да на добра коня посадила, да повода в руки не подала, да шелкова не забросила, да шелковую плетку в руки подала. Да как понес его добрый конь, да не путем не дорогою, да все лесами дремучима, да болотами зыбучима, да тропами звериныма, да хоботами змеиныма. Да как принес его добрый конь да ко тестю богатому, да ко теще приветливою, да к шуриям-то к ясным соколам, да к своечкам белледям, да ко белой лебедушке да именем Людмила Семеновна...

А потом Анна Лаврентьевна рассказала мне солдатскую песню, да еще свадебную, да величальную. Пела и ни разу не сбилась. Только жалела, что от старости воздуху в груди не хватает, что голос, когда-то сильный, сейчас уже не звучит, а едва шепчет. И все же даже в таком «приглушенном» исполнении песни эти волновали своей нерастраченной душевной силой и неувядаемой прелестью.

Но что будет с этими песнями через несколько лет, останутся ли они в памяти людей? Сможем ли мы при желании полюбоваться ими, как любуемся теперь прекрасными памятниками деревянного зодчества Севера?

Вот о чем я думала, возвращаясь назад в Суру. А ночь обещала быть бесконечной.

У Алевтины Игнатьевны заново растоплена печь, кипит самовар; на лавке, возле двери, сидят гости — соседки. Когда я вхожу, они здороваются и возвращаются к прерванному разговору.

— И откуда только силы брались?— говорила крепкая, краснощекая женщина. — Из лесу придешь еле живая, корову подоишь, щей зеленых пофырскаешь — и на гулянье, частушки петь.

— Вы на нее поглядите,— перебивает соседку Алевтина Игнатьевна, обращаясь ко мне. — Мужа ее на войну взяли, когда она на трех месяцах была. А саму на лесозаготовки отправили. Всю войну она там работала. И дочку там же, в лесу, выходила. Такая теперь видная — на голову выше матери.

Я во все глаза гляжу на эту женщину — Александру Тимофеевну Лазареву. На ней белый платок с алыми розами вразброс, волосы и брови цвета выгоревшей соломы, румянец во всю щеку, будто на всю жизнь запаслась она лесным живительным кислородом. Руки свои она держала на коленях — сильные руки крестьянки, привыкшие и лошадей запрягать, и чугунки скоблить, и картошку чистить.

— В звене у нас семь женщин было, у которых мужья погибли, которые замужем не бывали. Вместе лес добывали. Пилка-лучок да топор — вот и вся наша техника. Вручную работали, а стволы-то попадались в три обхвата. Когда после войны в наш леспромхоз стали мужчины поступать, они не верили, как это можно вручную по 12 кубометров за смену выдавать вместо четырех по норме. А мы только смеялись в ответ: плохие вы, значит, мужики, коль не верите!..

Вторая соседка, помоложе, перебивает своих подруг:

— Что вы как сороки растрещались, человек песни послушать хочет.

Все трое приладились на своих местах; Александра Тимофеевна скинула платок с головы, открыв свои белые волосы. И вот, не сговариваясь, они начали: «Конь бежит, головой вертит, головой вертит, да колокол звенит, колокол звенит, вся земля дрожит».

Никогда раньше не слышала я такого пения. Женщины тянули слова, насколько хватало дыхания, а чтобы звук не казался бесцветным, они украшали его гортанными придыханиями, как это делает, например, скрипач, придавая звучанию своего инструмента и трепет и выразительность подрагиванием кисти руки. Мелодия от этого приобретала особую, замысловатую узорчатость. «Кружевное пение»,— подумала я, подчиняясь власти дружно слившихся голосов.

Песня была длинной, спокойной и мощной, как светлеющая за окном спокойная и неторопливая белая ночь. «Разглядеть» фразу в песне неопытному уху трудно: так сложен ее орнамент, образуемый бесчисленными «ах» да «ох». К тому же слово сразу не поется, а с подступами, как бы в несколько приемов. Например, «тесть бо...». Дальше идет повтор, серия «ох» и «ах», потом фраза возвращается к своему изначальному «тесть бояр»... Опять следуют «ох», «да», «ах», и только после этих промежуточных вздохов, в течение которых как бы подыскивается следующее слово, фраза принимает законченность: «Тесть бояр встречает...» И опять узоры: «Среди двора, у широких ворот»... И так без конца.

«Конь бежит» и по сей день. Бежал когда-то, разукрашенный бубенцами и лентами, прямо на поветь, как требовал того свадебный обряд. Теперь не на каждой свадьбе звенят бубенцы, а поют на каждой. При выходе молодых из загса, при расставании невесты с родителями. Поют и величальную: «С Кострома, с Кострома, из города Архангельского плавали бояре по морю, по морю по синему...»

В тот вечер я услышала много песен — прекрасных и редких, какие в иных местах уже вовсе забыты. Слушала и с благодарностью думала о людях, проявивших неслыханную волю к сохранению народного творчества и сумевших донести его до наших дней. Ни с чем не сравнима эта радость — оттого, что еще возможно в наши дни утоление жажды по первозданному, истинному, чистому, идущему из глубины души самого народа. И... сожаление от сознания неминуемой утраты. Ну, сколько времени еще проживут, останутся на устах эти чудесные песни-родники... Деревянным срубам повезло: их переметили и перевезли. А песню как в музей поместить?

Узнала я, что в Суру да и в другие деревни приезжали экспедиции — фольклорные, этнографические... Многих жителей опросили ученые, позабирали сохранившиеся в домах старинные наряды, книги, рукописи, записали песни — со всеми оттенками произношения. Вот как, например, выглядит транскрипция одной из песен: «Софцерашнёго похмелья болид буйна голова. Со веселья долины горит пецяльная луна»...

Нашлись энтузиасты, которые обошли всех поющих, ныне здравствующих бабушек с магнитофоном. Однако дальнейшая судьба этих записей неясна: одни хранятся в фонотеке Северного русского народного хора, другие, говорят,— в областном радио. А вот в самом районном центре Пинежья — Карпогорах, где работает пусть скромный, но все-таки свой радиоузел, никаких пленок с записями старинных песен нет. Северный хор хоть и хранит пленки в своей фонотеке, но широко их не использует. То ли слишком архаичной кому-то кажется исконно северная манера исполнения, то ли, что тоже не исключено, коллектив, состоящий в основном из молодежи, просто не может воспроизвести всего своеобразия народных песен.

А почему бы не отнестись к этому уникальному явлению народного творчества так же, как архитекторы отнеслись к памятникам русского деревянного зодчества? Почему бы не записать лучшие самодеятельные хоровые коллективы на пластинку? У нас есть неплохой опыт такого именно, бережного «коллекционирования» народного искусства. И мне кажется, что с интересом встретят люди как раз такую пластинку, где будет записано не артистическое, профессиональное пение, а домашнее, вроде того, каким меня «угостили» сурские женщины — Алевтина Игнатьевна Мёрзлая, Александра Тимофеевна Лазарева, Татьяна Дмитриевна Аверина, Татьяна Константиновна Ошукова.

А ведь не только они хорошо знают старинные песни. В этой деревне да и в соседних тоже до сих пор сохранился обычай собираться у кого-нибудь в доме — кто с шитьем, кто с вязаньем, а чаще без всякого занятия,— и тогда до самого утра льются песни — и свадебные, и величальные, и любовные, и про жестокую разлуку, и, конечно, шуточные... Некоторые песенницы при случае охотно принимают участие в сельских праздниках, посвященных зиме, весне, окончанию уборочных работ.

Неиссякаемые на шутку, выдумку, песенницы так и сыплют озорными частушками, заражая весельем всех. Но это веселье, так сказать, в масштабе одного села. Есть народные хоры в районных домах культуры — постоянные участники смотров художественной самодеятельности. Отпоют, порадуются успехам и домой — кому повезет, тот услышит. Но многие и не представляют даже, что есть на свете такое чудо! А ведь старинная народная песня — такая же реликвия, как Кижи, как Соловецкий монастырь, чью красоту мы пропагандируем с помощью картин, рисунков и фотографий. А вот песню обходим стороной либо оставляем достоянием малодоступных университетских архивов, куда стекаются материалы научных экспедиций.

Таким невниманием северные песни обижены напрасно: они впитали в себя и мудрость, и веселый задор, и печаль, и душевную широту народа.

Представляю себе тесно собравшихся где-нибудь любителей старинных песен; включается запись, и звучит: «Конь бежит...»

Пусть бежит!

«ОГОНЕК» НА БАМе

Ванда БЕЛЕЦКАЯ

ПРЕОД

— Больше тридцати пяти лет отдал я изучению вечной мерзлоты, но, скажем прямо, так и не постиг до конца все капризы ее переменчивого характера. Под Якутском она одна, на Вилюе — другая, а на трассе Байкало-Амурской магистрали — третья.

Эти слова я услышала от известного в нашей стране мерзлотоведа, члена-корреспондента Академии наук СССР Павла Ивановича Мельникова. Мы поднялись в его теплый кабинет из холода лаборатории, расположенной глубоко под землей, в царстве вечной мерзлоты, где ученые ставят опыты.

Павел Иванович Мельников — директор Института мерзлотоведения Сибирского отделения АН СССР. Институт этот находится в Якутске, но он прочно связан с любой областью нашей страны, где существует вечная мерзлота, и, конечно, с БАМом.

Институт—головная организация по исследованию вечной мерзлоты на всем протяжении стройки, а сам Мельников еще студентом и потом молодым специалистом участвовал в первых изысканиях для будущей железной дороги.

— Начатые тогда изыскания и нынешние разделяет сорок лет,— говорит Павел Иванович,— но мне дороги первые исследования, результаты которых воплощаются в практику.

Сейчас для БАМа в Сковородино работает Станция мерзлотоведения, связанная с нашим институтом. Она ведет новые исследования, но проблем не становится меньше. Ведь чем больше узнает ученый, тем шире горизонт неизвестного раскрывается перед ним, а строительство дороги требует немедленных решений.

...Разговор с Мельниковым мне вспомнился в Тынде. В тесной комнате деревянной конторы собрались изыскатели-гидрологи. Они всегда идут перед строителями. Ведь без воды не могут жить люди, работать механизмы, не может существовать даже самый маленький поселок. Без воды бетона не сделаешь, буровую установку не включишь, машину не пустишь.

— Реки здесь зимой промерзают до основания, вся надежда на подземные источники. А их нет, они заморожены веками,— делится со мной своими трудностями главный гидролог Василий Савельевич Беляев; коллеги называют его «богом воды».

— Основной метод поиска — электроразведка, — продолжает он.— Но вечная мерзлота искажает электросигналы, помогающие обнаружить подземные источники. Получается парадокс — вода мешает искать воду. И нет во всем мире опыта, как вести

работы в этих условиях. Везде мерзлота требует своего подхода.

— Да, найти воду — проблема, но построить здесь сооружения и начать их эксплуатацию не менее трудно,— поддерживает Беляева начальник отдела водоснабжения Семен Игнатьевич Абрамович.— В грунте, как делается обычно, трубы не проложишь, приходится создавать специальные помещения, подогревать воду, применять греющий кабель, созданный якутскими учеными. Не менее сложная проблема с очистительными фильтрами: их ставим тоже в наземных утепленных помещениях. Очистка сточных вод здесь должна быть особенно тщательная. Ведь процесс самоочищения в холодных реках ничтожен, грунт не является естественным фильтром: вечная мерзлота, словно щит, не пропускает воду.

А уж как достается от нее строителям, особенно мостовикам. Они даже специальную научно-исследовательскую бригаду создали. Ее возглавляет инженер Чахлов. Разыщите его завтра на трассе,— посоветовал Семен Игнатьевич.

Мне повезло, и Владимира Степановича Чахлова я разыскала в тот же вечер. Он пришел с женой Ольгой Дмитриевной в Дом культуры «Юность».

Разговор, начавшийся еще в «Юности», мы продолжили в квартире Чахловых. Они только что переехали в новый сборный дом. Пахло свежей краской. Посреди комнаты стояли еще не распакованные чемоданы.

Ольга Дмитриевна затопила на кухне печурку, наскоро приготовила ужин: в Дом культуры они приехали прямо с работы.

Мне уже рассказывали, как появилась здесь эта семья. Зимой прошлого года приехали на БАМ в командировку специалисты по строительству железнодорожных мостов из Москвы, Челябинска, Харькова и других городов. Среди них и Владимир Чахлов.

В. С. Чахлов (в центре) со сварщиками Иваном Богдановичем и Иваном Борщом.

Фото Г. Копосова

ОЛЕНИЕ ВЕЧНОЙ МЕРЗЛОТЫ

Зима в тот год выдалась особенно суровая.

Командировочные ездили по линии будущей трассы, изучали условия, советовались, спорили. Большинство инженеров по возрасту были уже не молоды — воевали в Отечественную. Так случилось, что 23 февраля оказались они в Тынде и, конечно, не могли не вспомнить войну, не выпить за победу. Их фронт проходил теперь здесь. И они дали друг другу слово встретиться на строительстве БАМа.

— И встретились? — спрашиваю я.

— Да, все здесь,— просто, как само собой разумеющееся, отвечает Владимир Степанович.— Вы послушайте, в чем сложность нашей работы,— переходит он сразу к делу.— Вечная мерзлота — активный, деятельный слой. Забьешь в нее опору — летом она подтает, и столб на несколько сантиметров опустится. А зимой вода, насыщающая грунт, замерзнет и вытолкнет опору из земли. Причем сила выталкивания, как мы говорим,— «сила пучения», огромна. Значит, надо ставить столбчатые опоры, которые выдерживают не только нагрузку сверху вниз, но и снизу вверх.

— Обычно,— продолжает рассказывать Чахлов,— при строительстве железных дорог ручейки, грунтовые воды забирают в трубы и отводят от полотна. На БАМе из-за той же вечной мерзлоты трубы в ряде случаев неприемлемы: вода просачивается, заливает полотно и замерзает. Чтобы защитить дорогу от наледей, приподнять ее, по существу, приходится строить маленький мост. Поэтому количество мостов здесь астрономическое. Например, на нашем участке в 640 километров — 600 мостов, больших и малых.

А строить надо надежно, экономично. И быстро!

Какой же выход? И решили мы создать специализированный (только столбчатые опоры!) отряд, который одновременно является и строительным, причем с напряженным планом, и научно-исследовательским. Таким образом, мы отрабатываем технику строительства мостов на столбчатых опорах, создаем квалифицированные кадры, а значит, и работаем быстрее, и, наконец, являемся исследовательским, испытательным полигоном, тем адресом, где сходятся со всей страны проекты, изобретения, усовершенствования не только самого метода, но и механизмов, необходимых для его реализации.

Мне уже приходилось слышать, что над созданием буровой техники работают ученые и конструкторы в Москве, Хабаровске, Иркутске, Новосибирске. Я спрашиваю Чахлова, какие буровые механизмы приемлемы для БАМа.

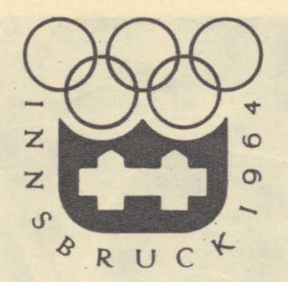
— К сожалению, немногие,— отвечает Владимир Степанович.— Самый распространенный метод — гидробурение. Для нас он не годится: воды, как вы знаете, не хватает, а в подобной установке расход воды огромен, целая речка.

Работали мы и над внедрением сухого бурения, сжатым воздухом. Это больше подходит для БАМа.

— Японская фирма «Санва» предлагает свою машину для бурения. Она еще не испытывалась вами?— спрашиваю я.

— Пока нет, но мы попробуем и эту машину. Японцы обещают хорошие результаты. Вообще же иностранной техники на БАМе много, но нежная она для наших тяжелых условий,— говорит Чахлов.— Однако мы испытательный полигон, испытываем все. Представители многих КБ и институтов побывали у нас со своими машинами. Есть кое-какие научные работы, которые непосредственно ведутся и в нашем отряде.

Думаю, что вечную мерзлоту мы преодолеем.

ОТ ИНСБРУКА

Когда стало известно, что американский город Денвер отказывается от представленной ему возможности провести XII Белую Олимпиаду 1976 года, испугавшись расходов и ответственности, бывалые олимпийские летописцы нисколько не удивились тому, что свои услуги тут же предложил Инсбрук. Перед Белой Олимпиадой 1956 года владельцы отелей итальянского курорта Кортина д'Ампеццо вдруг стали горячими приверженцами лыжного и конькобежного спорта. История следующих Олимпийских игр в Скво-Вэлли тесно связана с энергичными попытками владельцев необжитых земель, расположенных в горах Сьерра-Невады, возбудить интерес к этим землям с помощью сильнейших спортсменов мира. Отцы Инсбрука уже раз в 1964 году прекрасно использовали Олимпийские игры для популяризации альпийской природы и высокой квалификации инструкторов горнолыжного спорта. Не растерялись и организаторы Белой Олимпиады 1968 года в Гренобле и, несмотря на сильно возросшие денежные затраты, пошли на них для того, чтобы привлечь внимание к красотам французских Альп.

И вот снова Инсбрук! Казалось бы, что интересы отцов альпийских городков и приверженцев зимнего спорта совпадают, но вот беда: в этих патентованных снежных местах спортсмены часто сталкивались с дефицитом снега. В Инсбруке чуть ли не вся австрийская армия переносила снег в заплечных корзинках с вершин, чтобы уложить на замерзшей траве хотя бы узенькую ленточку лыжни. (Журналисты острили, что соседнее княжество Лихтенштейн воспользуется этим и нападет на Австрию.) А в Гренобле нам было уже совсем не до острот: лыжные гонки проводились при плюсовой температуре, чуть ли не на воде.

Почему же итальянские, французские, австрийские, немецкие Альпы пользуются таким приоритетом для проведения Белых Олимпиад? Все дело в том, что, несмотря на обширную программу Белых Олимпиад, в которую входят и лыжные гонки, и биатлон, и северное двоеборье, и соревнования фигуристов, хоккеистов, бобслеистов, конькобежцев и прыгунов с трамплина, а теперь еще и саночников, основой издавна считались выступления горнолыжников, а трассы слалома и скоростного спуска требуют головоломных горных склонов. И хоть за последние два десятилетия горнолыжный акцент на Белых Олимпиадах перестал звучать столь громогласно, все равно при выборе очередной олимпийской столицы в первую очередь учитывается качество горнолыжных дистанций.

Советские гонщики, биатлонисты, скороходы, фигуристы и хоккеисты внесли невиданную до них остроту в ход спортивной борьбы во многих видах олимпийской программы. Если раньше скандинавские гонщики не имели себе равных, если на ледяных площадках сверкали хоккеисты Канады и фигуристы США, то спортсмены СССР эту гегемонию решительно нарушили.

Победа советских лыжников Федора Терентьева, Павла Колчина, Ивана Аникина и Владимира Кузина в эстафете прозвучала в Кортина д'Ампеццо как гром среди ясного дня. День был действительно ясный, солнечный, и трибуны снежного стадиона у подножия Доломитовых Альп заполняли болельщики из Финляндии, Швеции и Норвегии. Каково же было их удивление, когда эстафетная гонка закончилась победой советской команды! Но успех советских лыжников на этом не закончился. Они завоевали еще две серебряные и три бронзовые медали, а Любовь Козырева получила золотую медаль, победив на дистанции 10 километров.

Белая Олимпиада в Доломитовых Альпах навсегда останется в нашей памяти как Олимпиада удачи. 7 золотых, 3 серебряных и 6 бронзовых медалей были вручены там советским спортсменам. Стоит вспомнить лишь блестящий старт советских хоккеистов, которые после этого лишь однажды уступили золото. А можно ли забыть победы наших скороходов Евгения Гришина, Юрия Михайлова, Бориса Шилкова? Сколько лет прошло, а мы до сих пор вспоминаем волшебный лед озера Мизурино!

Теперь все труднее даются спортсменам олимпийские победы. После блистательных выступлений в Кортина д'Ампеццо нашим спортсменам пришлось пережить неудачи в Скво-Вэлли, но разве не были восполнены они 11 золотыми, 8 серебряными и 6 бронзовыми медалями, завоеванными в Инсбруке?

Белая Олимпиада 1964 года в Инсбруке связана с именами Людмилы Белоусовой и Олега Протопопова, которые начали там свое триумфальное шествие, положив начало приоритету советской школы парного катания. В Инсбруке все четыре золотые медали в состязаниях на коньках завоевала уральская девушка Лидия Скобликова — случай невиданный! И хотя после удивительной победы Скобликовой наших скороходов ждало много неудач на двух последующих Олимпиадах, они не примирились с этим и сейчас упорно готовятся к новым стартам в Инсбруке-76.

Наши лыжники тоже усиленно ведут подготовку к стартам в австрийских Альпах. После отличного дебюта на Олимпиаде 1956 года им тоже пришлось пережить немало неудач, но советские гонщики продолжали из года в год вести свой трудный спор с лыжными асами Финляндии, Швеции, Норвегии, ГДР и дождались своего часа на XI Олимпийских играх в Саппоро. Золотая медаль ученика Павла Колчина Вячеслава Веденина в гонке на тридцать километров, а затем и победа нашей мужской команды в эстафетной гонке, две золотые медали Галины Кулаковой и победа наших лыжниц в эстафете — таковы весомые олимпийские успехи советских гонщиков, одержанные на последней Белой Олимпиаде в Японии. Добиться таких же весомых результатов в Инсбруке будет очень трудно, но наши лыжники это прекрасно учитывают и готовятся не жалея сил.

Итак, спустя двенадцать лет, опять Инсбрук! В 1964 году там, в австрийских Альпах, советские спортсмены выступили отлично. Теперь слово за их наследниками.

Корреспондент «Огонька» В. Засеев обратился с тремя вопросами к чемпионам Инсбрука-64:

1. Белые Олимпиады. Какие перемены произошли в них за двенадцать лет!
2. Кому из участников нынешних Игр вы больше всего симпатизируете!
3. Что вы хотели бы сказать «своему олимпийцу» за минуту до старта!

Борис Михайлов — капитан сборной хоккейной команды СССР.

БОРЯ, ВЕДИ!

Константин ЛОКТЕВ,
Вениамин АЛЕКСАНДРОВ

1. Олимпийский хоккей! Он всегда привлекал к себе внимание зрителей. И с годами его популярность все возрастает.

После победоносного дебюта советской сборной на Белой Олимпиаде в Кортино д'Ампеццо хоккей очень изменился, и главным образом потому, что у неизменных фаворитов — канадцев появились поистине грозные «оппоненты» — хоккеисты СССР. Ведь на всех следующих Белых Олимпиадах, кроме одной — в Скво-Вэлли,— они неизменно поднимались на высшую ступеньку пьедестала почета, и в острой борьбе рос класс мирового хоккея.

А как будет выглядеть хоккейная сборная СССР на своем шестом олимпийском турнире? Сегодня можно услышать от некоторых болельщиков, что сборная СССР Инсбрук-64 может оказаться сильнее, чем наша сборная в Инсбруке-76. При этом называют имена Старшинова, братьев Майоровых, Рагулина, Фирсова, Коноваленко и многих других. Слов нет, имена эти достойные, запомнившиеся на долгие годы, и все же сегодняшняя сборная СССР, по нашему мнению, на голову выше, как на голову выше хоккей сегодняшний хоккея вчерашнего. Он стал за эти 12 лет значительно быстрее, разнообразнее, атлетичнее. Сегодняшний хоккей можно сравнить с айсбергом: все, что видят зрители, только частица того, что происходит. Остальное же, что с хоккеем связано, скрыто за стенами тренировочных залов. Да и на площадке игра идет на таких скоростях, что совсем не просто все увидеть, все заметить. Современным нападающим, защитникам и вратарям приходится в мельчайшие доли секунды решать сложнейшие вопросы, и, к чести нашего хоккея, у него много мастеров, которые прекрасно справляются со своими сложнейшими обязанностями.

2. На второй вопрос нам ответить очень нелегко. Ведь в сборной много равноценных спортсменов, чье мастерство, талант, человеческое обаяние вызывают восхищение. И поэтому мы сконцентрируем все наши симпатии только на одном хоккеисте, который как бы олицетворяет по своей должности всю сборную команду страны,— на ее капитане. Борис Михайлов, славный армейский нападающий, не раз с честью выполнял возложенные на него обязанности, и мы верим, что и в Инсбруке он приведет сборную к победе.

3. В Инсбруке-64 мы вместе с Александром Альметовым выступали в первой тройке, в которой нас сейчас заменили Борис Михайлов, Владимир Петров и Валерий Харламов. В Инсбруке-76 один из нас займет место за тренерским пультом, и за минуту до старта его слово будет обращено к капитану команды: «Боря, веди!»

ДО ИНСБРУКА

МЫ С ВАМИ!

Людмила БЕЛОУСОВА,
Олег ПРОТОПОПОВ

1. В 1964 году в Инсбруке, помнится, можно было услышать робкие разговоры о том, что пора открыть двери в олимпийский спорт танцорам на льду. И вот ныне они впервые станут полноправными участниками Белой Олимпиады. Нас это очень радует.

Говорят, что это стало возможным благодаря блистательным выступлениям на международных соревнованиях последних лет Людмилы Пахомовой и Александра Горшкова, и мы склонны полагать, что дело обстояло именно так. Если бы Л. Пахомова и А. Горшков не достигли в танцах высочайшего спортивного и одновременно замечательного артистического мастерства, Международный олимпийский комитет, известный своей сдержанностью в вопросах расширения программы Игр, вряд ли допустил бы танцы на Олимпиаду.

2. Вот почему мы прежде всего симпатизируем Людмиле Пахомовой и Александру Горшкову, замечательной паре советских фигуристов, и желаем им в Инсбруке золотых медалей. Надеемся мы и на успех Юрия Овчинникова, и не только потому, что он ленинградец, наш земляк. На пути Овчинникова было много препятствий, но теперь все они позади. Овчинников стал настоящим бойцом и может добиться в Инсбруке места на пьедестале почета. И еще мы считаем «своим» канадца Толлера Крэнстона, нашего друга, художника в жизни и спорте. Будет ли Крэнстон олимпийским чемпионом или не будет, позволит ли он обойти себя в короткой программе, сможет ли он наверстать упущенное в произвольной программе. значения, на наш взгляд, не имеет. Его несравненность очевидна для всех, а его выступление украсит Олимпиаду.

3. Что ни говори, за минуту до старта — будь ты не то что тренером спортсмена, а даже его матерью родной,— он тебя все равно уже не услышит. Вопрос, таким образом, символический. Но если бы за минуту до старта смогли нас услышать те, кто пришел нам на смену, мы бы сказали им: «Дорогие друзья, не только мы, вся наша страна с вами!»

Людмила Пахомова и Александр Горшков — лучший танцевальный дуэт мира.

Людмила Титова — олимпийская чемпионка в беге на коньках в Гренобле.

НИ ПУХА НИ ПЕРА!

Лидия СКОБЛИКОВА

1. Белые Олимпиады становятся все представительней. Кто бы в наше время мог подумать, что на снегу появятся спортсмены таких стран, как Индия, Иран, Новая Зеландия, Монголия, Корейская Народно-Демократическая Республика! Кстати, кореянка Пил Хва Хан стояла в Инсбруке рядом со мной и Валентиной Стениной на пьедестале почета, завоевав на дистанции 3 тысячи метров третье место.

И еще одна особенность Белых Олимпиад. Стремительный рост результатов конькобежцев. Я выиграла в Инсбруке забег на 3 тысячи метров со временем 5 минут 14,9 секунды, но в Гренобле, сбросив с этого результата почти 7 секунд, оказалась на... шестом месте.

2. Во время Олимпийских игр буду «болеть» и волноваться за всю нашу команду. А если говорить о каком-то одном спортсмене, то здесь мои симпатии давно принадлежат Людмиле Титовой. И не только потому, что она признанный фаворит советской сборной, олимпийский чемпион 1968 года. Людмила Титова — целеустремленный и трудолюбивый человек. Она сумела после длительного перерыва доказать, что имеет право на поездку в Инсбрук.

3. Когда мне приходится встречаться с молодыми спортсменами, выезжающими на международные соревнования, я всегда говорю им о той великой чести, которая выпала на их долю,— чести защищать флаг Родины. Людмиле Титовой напоминать об этом излишне. Поэтому за минуту до старта я бы ей просто тихонько шепнула: «Ни пуха тебе, ни пера!»

ПОБЕДИТЬ!

Алевтина КОЛЧИНА

1. Австрийское телевидение обещает посвятить Белой Олимпиаде 6970 минут. Трансляции будут вестись в цветном изображении на все пять континентов. И этот факт говорит о многом. С помощью телевидения Олимпийские игры получают необъятную, поистине мировую аудиторию. Кто видел в 1924 году лыжные гонки на первой Белой Олимпиаде в Шамони? Считанные энтузиасты. Да еще и в Кортино д'Ампеццо в 1956 году, где так успешно выступили советские гонщики, лыжные трассы оставались без зрителей. А теперь вы у себя дома можете следить за всем ходом борьбы на лыжне, а это значит, что у лыжного спорта появляются все новые почитатели. И, конечно же, среди них будут и завтрашние чемпионы. В качестве примера приведу такой факт. Когда я выступала в 1964 году в Инсбруке и вместе с моими подругами Клавдией Боярских и Евдокией Мекшило выиграла эстафету, Зина Амосова сидела у телевизора, «болела» за нашу команду и вовсе не думала о том, что когда-нибудь будет выступать на большой лыжне. А теперь она одна из наших главных надежд в Инсбруке-76.

2. Я с особым вниманием буду следить за выступлениями нашей ведущей гонщицы, уже побеждавшей на Олимпийских играх, Галины Кулаковой и дебютанта Белой Олимпиады Зинаиды Амосовой. Очень интересуют меня возможности двух замечательных лыжников: нашего Вячеслава Веденина, который нашел силы вернуться на лыжню после тяжелой травмы, и гонщика из Германской Демократической Республики Герхарда Гриммера, победившего на чемпионате мира сильнейших гонщиков скандинавских стран. Это люди разительной твердости характера и трудолюбия, а такие качества я выше всего ценю в спортсменах.

3. Пожелание будет самым коротким: «Победить!»

Вячеслав Веденин — чемпион Олимпийских игр 1972 года.

Фото А. Бочинина

ПРИСТУПАЙТЕ СМЕЛО!

Владимир МЕЛАНИН

1. Популярность Белых Олимпиад растет год от года. В этом, на мой взгляд, огромная заслуга спортсменов социалистических стран, и в первую очередь наших мастеров. Вот только один пример. За две прошедшие после Инсбрука-64 Олимпиады спортсмены Советского Союза, Германской Демократической Республики и Чехословакии завоевали 20 золотых медалей. Это оказалось не по плечу командам Швеции, Финляндии, Австрии, США, Франции, Канады и Японии, вместе взятым.

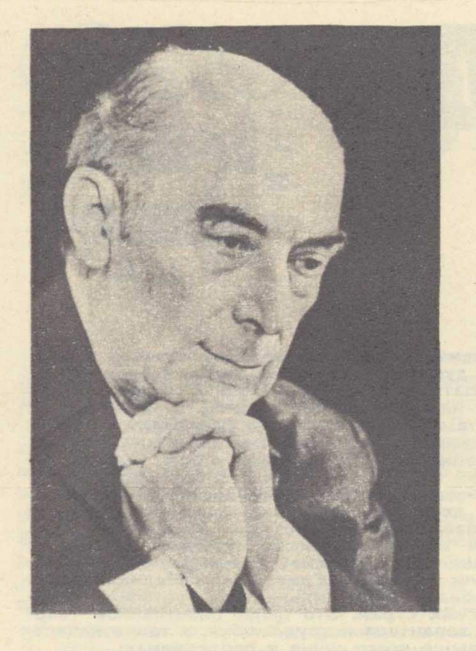
2. Что касается моих симпатий, то они безраздельно принадлежат нашему замечательному биатлонисту заслуженному мастеру спорта Александру Тихонову. Он дважды завоевывал звание чемпиона мира и дважды становился олимпийским чемпионом в эстафете. Сейчас Тихонов находится, судя по результатам последних соревнований, в отличной форме. И не он один. Прекрасно выступает Николай Круглов и многие другие биатлонисты, и я надеюсь, что кто-нибудь из них сумеет повторить мой успех, показанный 12 лет назад в Инсбруке.

3. Что бы я сказал ребятам? Если бы я смог уложиться в одну минуту, то пожелал бы им того, чего желали атлетам в древней Олимпии: «Если вы тренировались так, чтобы быть достойными величайших соревнований, смело приступайте к ним...»

Александр Тихонов — стреляющий лыжник.

Фото М. Боташева

ВЕЧЕР ВОСПОМИНАНИЙ

Георгий БЕРЕЗКО

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

Эта повесть возникла как отзвук — я не нахожу другого слова — замечательных рассказов, услышанных некогда мною от одного из старейших деятелей нашей партии и активного участника гражданской войны,— они навсегда остались в моей памяти. Повесть, однако, ни в малой мере не является документальной, в ней вымышлены имена, названия, подробности обстановки, я лишь пытался сохранить верность высокому смыслу того, что открылось мне в этих рассказах. Я прошу также не искать в повести изображения реальных лиц и в той ее части, действие которой происходит в начале шестидесятых годов.

Автор

ПЕРВАЯ ГЛАВА

1

Были те бессолнечные, смутно тревожные минуты, когда свет дня уходит из воздуха, а ночь еще медлит, тени теряют контуры, растворяются, а небо холодеет, обесцвечиваясь и темнея.

Полковник в отставке Колоколов долго стоял на бульваре перед прислоненным к стволу каштана рекламным щитом, оклеенным афишами... Подошли и встали в сторонке школьницы-подростки с клеенчатыми портфельчиками, с сумочками через плечо; остановился молодой человек с черным, похожим на огромную грушу футляром, в котором носят скрипки,— девочки пошептались и исчезли за деревьями; молодой человек что-то записал в свою записную книжечку и тоже ушел. А Колоколов все стоял, перечитывая афиши, точно никак не мог взять в толк, о чем они.

Маленькая женщина в седых локончиках на восковых висках, в пикейной панамке, заговорила, радуясь и торопясь, боясь, что ее не дослушают:

— Представьте, Евгений учился у меня два года. Очень посредственно, скажу я вам,— на троечках, случались и двоечки... А сейчас смотрите!..

Можно было подумать, что эти воспоминания сделали старую учительницу счастливой.

Колоколов молча, учтиво отказырял ей левой рукой — правую заменил ему протез с навсегда полусогнутыми пальцами, обтянутыми черной перчаткой.

Подошли еще какие-то прохожие, и он попятился, уступая место. С ветки каштана упал на дорожку, глухо стукнув, зеленый игольчатый плод, раскололся, и из него выскользнул шоколадный, лакированный шарик. Колоколов поднял шарик и, держа на своей единственной, по-стариковски плоской, сухой ладони, погрузился, казалось, в размышление над этим чудом природы.

Вдоль бульвара катил под гору с мелким секущим звоном трамвай; вспыхивали, срываясь с проводов, бело-голубые электрические рои. И когда этот звенящий фейерверк пронесся, Колоколов услышал за своей спиной...

— ...Он спас меня, спас в буквальном смысле. Был в моей жизни такой момент...— очень громко проговорил кто-то, не заметив, должно быть, что звон трамвая ослабел.

— Нет, вы серьезно?— воскликнул веселый женский голос.— Какой момент?

Колоколов, не оборачиваясь, невольно напряг слух.

— Сердечные огорчения и всякое такое... Было это в Москве, я еще учился,— сказал мужчина,— и случайно совершенно я попал на его концерт...

Женский голос прервал рассказчика и о чем-то — Колоколов не разобрал — спросил.

— Юношеские разочарования. Они бывают опасными, потому что подстерегают плохо защищенные души,— сказал мужчина.— Так вот, молодой, еще неизвестный пианист играл Шопена. Уж не знаю, кому из них я больше обязан, вероятно, обоим...

И опять послышался женский неразборчивый голос.

— Он самый,— ответил мужчина,— и играл он, надо сказать, удивительно. Так вот, я подумал: если в мире есть такая музыка, то стоит еще пожить.

Колоколов не выдержал и покосился через плечо своими водянисто-синими глазами. Мужчина, встретив его взгляд, улыбнулся, нимало не смутившись и как бы даже приглашая принять участие в разговоре. Это был человек с наружностью стареющего спортсмена, седой, в возрасте Колоколова, но еще густоволосый, меднолицый, и чистая седина скорее украшала его.

— Советую и вам, товарищ, побывать на концерте нашего гостя,— сказал он Колоколову.— Хотя и прошли слухи, что это уже не прежний Сведомский, но о ком из старых мастеров не ходило таких слухов?.. И хотя спасать нас в нашем возрасте поздновато...— беззвучно смеясь, он взглянул на свою спутницу, розово-загорелую, любопытно на него взиравшую,— ...нам не грозят уже разочарования юности.

— Благодарю,— несколько невпопад проговорил Колоколов.

— Репертуар у Сведомского всегда продуманный,— продолжал этот общительный человек.— А вы, я предполагаю, тоже из нашего племени меломанов.

— Никак нет,— признался Колоколов,— о таких, как я, говорят: медведь на ухо наступил.— Он испытывал заметную неловкость, оттого что не оправдал чужой надежды.— Прошу прощения!

Козырнув, он пошел — прямой, сухощавый, в обмятой офицерской фуражке, в диагоналевом лоснящемся на локтях кителе без погон, в синих с красным кантом брюках, болтавшихся на тощих ногах.

Уже удалившись на десяток шагов, он обернулся, чтобы еще раз взглянуть на рекламный щит под каштановой кроной. И еще раз в сумеречном воздухе прочел набранное громадными красными буквами «Евгений Сведомский» — и ниже черными, помельче, плохо уже различимыми: «Бетховен, Шопен, Брамс, Чайковский».

2

Сведомский со шляпой в руке, с пальто, перекинутым через руку, проходил по коридору гостиницы... Миновало уже около года, как он отпраздновал свой шестидесятилетний юбилей, и от некогда отпущенных ниже затылка волос остались у него только жидкие, седоватые колечки. Но он все еще был строен, изящен, легок в походке; серый костюм из тонкой материи свободно сидел на нем... Поглядывая по сторонам и отмечая невольно про себя, что стены в коридоре перекрашены в серый цвет — когда-то они были отделаны масляной краской под мрамор,— что на дверях новые пластмассовые таблички с номерами, он убыстрял, не замечая того, шаги.

И он выпрямился и замер в распахнутых перед ним дверях на пороге нарядных апартаментов... За небольшой передней открывалась гостиная, чуть уже задымленная сумерками; дальше была видна вторая комната, с занавешенным альковом, с мерцающей позолотой на витых колонках...

— Но... позвольте...— с запинкой вырвалось у Сведомского.— Как могло все так остаться?.. Он словно бы не решался ступить за порог.

— Сколько лет, господи боже! И ничего не переставили... Все, как тогда.— В его голосе был почти что испуг.

Он узнал — узнал! — эту громоздкую красного дерева пузатую мебель прошлого столетия, эти зеленые бархатные портьеры с бахромой и кистями, подобные склоненным знаменам, этот розово-бело-голубой, как из пастилы, плафон на потолке, изображавший резвящихся амуров, картины на стенах в золоченых рамах — всю тяжеловесную роскошь бывшего «губернаторского» номера; белый рояль с накладными резными веночками на бортах неярко выделялся в сумерках, подобный ладье...

— Тот же рояль... Невероятно!

— Ну-с... вас не устраивает номер?— спросил, улыбаясь из-за плеча Сведомского, администратор филармонии; улыбка говорила: «Это же прелестно все!»

Администратор был моложав и гладок лицом, носил дымчатые очки в массивной модной оправе, а галстук повязывал бантиком, но заметно уже толстел, и его зачесанные назад блестящие волосы были так безупречно черны, что вызывали подозрение: не крашеные ли?.. Он прожил здесь в городе уже несколько дней, приехав с ворохом поручений из Москвы, и чувствовал себя сейчас едва ли не старожилом.

Наконец Сведомский шагнул вперед. А следом за администратором швейцар, весь обшитый парчовой тесьмой, в фуражке с парчовым околышем, втащил чемодан, пестро облепленный рекламой заграничных отелей.

— Устраивает ли?— Сведомский ответил не сразу, потому что в первое мгновение ему захотелось отказаться от этого номера.— Да, да, конечно... устраивает! Но как могло?..

Вдруг, будто споткнувшись, он на полушаге опять застыл перед потемневшей от времени большой картиной — слегка наклоненная, она висела над обитой зеленым штофом кушеткой.

— Что вас так удивило?— осведомился администратор, подавая швейцару несколько монеток.

— Святая Инеса!— почему-то шепотом сказал Сведомский.

— Совершенно верно, «Святая Инеса» Риберы. Неплохая копия, смею заметить.

Швейцар, поставив чемодан на решетчатую подставку у дверей и получив свое, не спешил, однако, уходить. Оглаживая распушенную бороду, положенную ему, видимо, по должности, он уставился на Сведомского, как смотрят с радостным ожиданием на фокусника.

— Итак, мы в расчете,— сказал администратор.— Или вы разочарованы?

— Да с таких гостей я бы и вовсе ничего...— И, обращаясь к одному Сведомскому, вернее,

к его спине, швейцар нарочито громко прогудел из своей бороды: — Желаю творческих успехов!

— А...— Сведомский полуобернулся.— Да... спасибо,— рассеянно бросил он.

— Также и вам — творческих! — Администратор позволял себе поострить над людьми, которым давал на чай.

Швейцар по-военному вытянулся и четко, как перед высшим начальством, приложил руку к козырьку своей великолепной фуражки; сделав поворот «налево кругом», он зашагал к дверям.

— Здесь она и висела, «Святая Инеса»... Борис Владимирович, как случилось, что выбрали именно этот номер? — спросил Сведомский.

— Мы лучше ничего не нашли. Все-таки это не Москва и даже не Рио-де-Жанейро. Вам не нравится номер?..

— Лучшего вы и не могли найти... Но как все неожиданно и странно!.. Неожиданно и странно...

Сведомский с осторожностью опустился на кушетку под картиной, словно не был уверен, что кушетка выдержит его тяжесть, и поднял глаза на «Святую Инесу».

«Да что с ним такое?! — подумал администратор.— С аэродрома ехали — тоже был как не в себе...»

— Нет, это плохая копия,— проговорил Сведомский резко, споря не с мнением Бориса Владимировича, служащего филармонии, а с чем-то более важным для него самого.— Весьма посредственная.

— Готовясь к вашему приезду, пригласили настройщика,— сказал администратор,— лучшего в городе. Директор гостиницы, вернее, директриса, такая молодящаяся бабушка,— ваша большая поклонница. Так что рояль в полном порядке, можете убедиться.

Он присел в кресло напротив, распахнул кожаный, опоясанный ремнями портфель и стал в нем рыться.

— В общем, здесь даже мило... как в старой, доброй пьесе со счастливым концом,— растягивая фразы, продолжал он.— Даже уютно... после всех этих модерняшек из стекла и бетона... Здесь останавливались Шаляпин, Мусоргский, Рахманинов... Ага, вот эти телеграммы! Они ждут вас уже целые сутки... Одна из Красноярска.

Сведомский развернул телеграммы, прочитал одну, другую — и бросил на кушетку.

— Я же писал им... досадливо проговорил он,— что они еще хотят от меня?..

— Кажется, я догадываюсь...— сказал администратор.— Мне вчера о том же звонили из Москвы...

Сведомский откинулся на спинку кушетки; после только что пережитого возбуждения он выглядел расслабленным, выдохшимся.

— Вас ждут там уже несколько лет...— сказал администратор.— И вас встретят как самого бога музыки. Маршрут я бы назвал...— он поискал слово,— маршрут я бы назвал романтическим: Красноярск, Хабаровск, Владивосток, Южно-Сахалинск. Был бы рад сопровождать вас. Я бывал в тех краях и доложу вам...

Сведомский прервал его молчанием, глядя в сторону, будто не слушая... Он летел сюда, дав себе слово, что это будет его последняя гастроль, на что имелись, казалось ему, веские причины. И если он согласился все же дать здесь, в родном городе, свои концерты, то лишь потому, что слишком долго и упорно избегал их — избегал возвращения в родные места; его и влекло сюда, и словно бы он чего-то остерегался. Ныне первое возобладало — вероятно, оттого только, что этот конфликт между давним желанием и смутной боязнью должен был вскоре прекратиться сам собой: решение Сведомского уйти с эстрады созрело окончательно.

— Я бы посоветовал ехать в сентябре. Там это лучшее время года,— проговорил администратор, усилив голос.— Приморье — это сказка, доложу вам...

В номере смерклось. «Святая Инеса» была уже едва различима в своей потускневшей раме. Сведомский небрежно кивнул, посмотрел в погасшее окно.

— Когда-то гостиница называлась «Пальмира»,— заговорил он, отвечая своим мыслям.— Почему «Пальмира», я никогда не мог понять... Лет двенадцать назад я побывал в настоящей Пальмире, в Сирии...— Его голос слабел в конце каждой фразы, доходя до шепота.— Камни, поверженные колонны, песок, пустыня... Женщины в черном с головы до пят... черные призраки, призраки...

— М-да... Иногда, конечно, задумываешься.— Администратор захлопнул портфель и принялся затягивать ремни.— В жизни много такого, «что и не снилось нашим мудрецам».

— Куда все уходит, Борис Владимирович?.. Где оно, все, что жило, шумело, боролось? Или — навсегда и бесследно?.. А?.. Исчезает бесследно?..

— Да, селявишка!

— Что, как вы сказали? — Сведомский вновь обрел голос.

— Такова жизнь, селявишка.

— Ну что же, Борис Владимирович... до завтра! — сказал Сведомский.

— Повинуюсь... но не раньше, чем мы составим ответную телеграмму. В Москве очень настаивают... А времени, Евгений Александрович, осталось совсем мало.

— Времени действительно осталось немного. Вы правы...— Сведомский прикрыл морщинистыми веками глаза.— Что вы хотите от меня?

— Силы небесные! — воскликнул администратор.— Мне кажется, вы не возражали...

— Спокойной ночи, Борис Владимирович! Я не в состоянии сегодня...

И администратор тоже погрузился в размышление, силясь понять, что, собственно, с этой капризной знаменитостью происходит. Вдруг он, как в изумлении, заморгал за своими дымчатыми очками.

— Те-те-те, позвольте, Евгений Александрович!.. Мне ведь что-то рассказывали... Как же я?! — вскрикнул он.— Мне еще в Москве говорили: вы как будто начинали здесь...

Сведомский страдальчески поморщился: ему становилось все более не по себе в этом номере... Он и сам не вполне понимал, что, собственно, его растревожило. Пережитое им некогда здесь ушло уже в такое далекое прошлое, что порой мнилось: это не он, а кто-то другой провел в этих стенах трое ужасных суток... А если и он, то ведь ни в чем, решительно ни в чем он не мог себя упрекнуть — он был всего лишь жертвой обстоятельств. Однако же ощущение какого-то своего греха, это саднящее ощущение вновь болезненно обеспокоило его, как только он здесь очутился... Оно, надо сказать, было уже знакомо Сведомскому, возникнув сразу же после тех давних событий, словно бы даже неожиданно для него. Но потом это ощущение ослабело — он сумел вроде бы оправдаться перед собой, потом и вовсе померкло в памяти. Иные счастливые события, все, чем он по праву теперь гордился, заполнили его жизнь... И вот поди ж ты! Стоило ему опять появиться здесь, как он тотчас же увидел себя — а не кого-то другого, себя, Евгения Сведомского! — таким, каким он тогда в действительности был, каким, в сущности, и остался, на свой безобманный взгляд. И ничего, к несчастью, не забылось!..

— Вы играли в «Пальмире» в ресторанном оркестре... Так или нет? Это же грандиозно во всех смыслах.— Борис Владимирович чрезвычайно взволновался.— Но, ради бога, почему вы молчали? Это же сенсационно!

Сведомский замахал рукой. «Не надо, перестаньте!..» — хотелось ему попросить.

— Как угодно, Евгений Александрович, но вы эгоист... Завтра, перед репетицией, у вас встреча с корреспондентами газет и телевидения, вы даете интервью. И вы объявите — я представляю себе впечатление,— вы объявите: «Юношей я ушел с рюкзаком... с узелком — вот именно, с узелком и со свертком нот, первых моих опытов,— ушел из вашего города, чтобы спустя почти полвека...» Это необыкновенно!.. Спустя полвека вернуться...— Борис Владимирович совершенно бескорыстно увлекся нарисованной им картиной.— Вы представляете эффект?! Это будет рассказ в андерсеновском духе — о прекрасной мечте, которая осуществилась.

— Я не с узелком уехал, а с чемоданом,— сказал Сведомский,— со старым, обвязанным веревкой чемоданом.

— Не имеет значения. Главное — вы вернулись на крыльях славы — абсолютно идеальный вариант!

— Мне что-то не нравится, каким я вернулся...

Сведомский встал с кушетки и прошелся по комнате; в уплотнившихся сумерках было трудно рассмотреть выражение его лица.

— Интервью не будет, Борис Владимирович! Отмените, прошу вас, завтрашнюю встречу.

— Но!.. Это невозможно! И почему, почему?..

— Для вас, Борис Владимирович, нет ничего невозможного.— Сведомский говорил без иронии, скорее просительно.

— Но чем я могу мотивировать? Я не вижу причины.

— С меня достаточно, что я ее вижу. И прошу вас, хватит об этом.

Администратор тоже встал и направился к выключателю. Под потолком загорелась хрустальная гроздь, и за окнами потемнело до черноты... Борис Владимирович неодобрительно покачал головой. Сведомский, по-видимому, был нездоров: небольшое, узкое, обычно бледное лицо его с расплывчатыми чертами подрумянилось, как от жара.

— Ну что же: хватит так хватит...— Борис Владимирович почувствовал себя так, точно его поманили на праздник и тут же отказали в приглашении.— За последствия... вы уж извините! Пресса — это пресса, и ссориться с нею я бы никому не рекомендовал.

— Я рассчитываю на ваши дипломатические способности. А впрочем, как ей будет угодно,— сказал Сведомский.

— Вы сегодня в плохом настроении. Мне это трудно понять. Именно сегодня, здесь...

— Оно пройдет... До свидания, Борис Владимирович!

— Ухожу...— Администратор не двинулся.— Остается только вопрос о гастролях на Дальнем Востоке. Вы уполномочиваете меня назвать сентябрь?

Сведомский долго не отвечал... Эта новая поездка и новые выступления, от которых он не ожидал уже для себя ничего нового, это утомившее его повторение пройденного — и в ухудшенном варианте, как всякое простое повторение,— представлялось ему бесконечно унылым. Уныние все чаще охватывало его в последнее время... Иногда он объяснял это попросту телесной усталостью — все же ему перевалило за шестьдесят, иногда своеобразным пресыщением — он слишком много в течение полувека играл, изнурительно много, даже в своих снах,— как кто-то другой слишком много любил, после чего оставалось только одно — монастырь. Чаще стали возникать у него и несогласия с филармонией, с музыкальным начальством — Сведомского все более раздражало, что кто-то так или иначе командует им, наблюдает за репертуаром, навязывает маршруты поездок... Ему сделалось неинтересно играть, и, может быть, поэтому произошло самое страшное: он играл хуже, чем когда-то,— он слышал это.

— Мне жаль, Борис Владимирович!.. Но я никуда не поеду,— сказал он.

Администратор поправил очки, перенес портфель из одной руки в другую, потом, как бы между прочим, сообщил:

— Гастроли запланированы, отпечатаны афиши, остается только указать число.

— Мне очень жаль, Борис Владимирович! — повторил Сведомский.

— Там ждут только вашего слова, чтобы начать продавать билеты... Уже поступили заявки на коллективные посещения от рабочих, от строителей, от моряков...

— Не надо, Борис Владимирович! — устало попросил Сведомский.— Я решил, вернее, все решилось само собой. И я принесу, конечно, извинения. Я очень виноват, надо было раньше...

— Но это беспрецедентно! Прошу прощения...

Борис Владимирович машинально достал платок, отер губы, подбородок... Случалось и в прошлом, что Сведомский капризничал, раздражался, упрямился — его нелегкий характер был известен всем. Но сегодня происходило нечто более серьезное. Нельзя же было так не считаться с людьми, со множеством людей, с планом, наконец!..

— Я все же не понимаю...— начал Борис Владимирович вновь,— что вас не устраивает в этой поездке?

Х. Якупов. ЧЕЛПИНСКИЕ КРАСАВИЦЫ.

О. Ломакин. ПОРТРЕТ ТРАКТОРИСТА МАТВИЕНКО.

— А я вообще...

Сведомский опять прошелся из угла в угол, постоял у ломберного столика, потрогал зачем-то хрустальные подвески на бронзовом подсвечнике, и они тоненько, музыкально зазвенели. Повернувшись к Борису Владимировичу, он еще немного помолчал,— ему понадобилось усилие, прежде чем он смог выговорить то самое важное и бесповоротное, что в конце концов созрело в нем; он слышал, как стучит кровь в его висках.

— Я, Борис Владимирович, не только на Дальний Восток... Как раз туда меня давно манило. Я вообще... словом, финита, довольно! Отсюда, Борис Владимирович, я поеду только к себе, во Внуково...

И, выговорив эти жестокие слова, он вдруг испытал злорадное чувство, как будто он отомстил — отомстил прежде всего своей судьбе — бог весть за что, быть может, за то, что она перестала его радовать. А потом и всем другим: жене и дочери, которые так чванились его славой и так мало, казалось ему, понимали его, даже не пытались понять, музыкальным критикам, музыкальному начальству...

— «Кончил песню — лютню прочь...» — с невеселым, натужным смешком добавил он.

— Может быть, вам надо хорошенько отдохнуть, полечиться?..— после долгой паузы спросил Борис Владимирович; что бы там ни говорили о Сведомском, о его характере, Евгений Александрович был слишком значительной фигурой, большим музыкантом...

— Полечиться?.. Да нет... я как будто здоров,— ответил Сведомский.— Вот так...

— Но тогда... тогда все необъяснимо,— очень тихо, с той странной осторожностью, с какой говорят на похоронах, сказал Борис Владимирович.

— Здесь я начал, здесь мне и каюк пришел. В этом, знаете, есть смысл!

Сведомский неожиданно взбодрился и сделался словоохотливым, точно ему понадобилось теперь, когда решение было объявлено и путь назад отрезан, заглушить невольное сожаление.

— А вообще-то я начал не здесь, не в «Пальмире», не в том жалком, полупьяном оркестрике... Боже мой, какие это были несчастные люди, нищие неудачники! Я начал, вообразите себе, Борис Владимирович, в военном госпитале. Да, да, в полевом госпитале, который помещался тогда в здании женской гимназии... И в этом аду — не было медикаментов, не хватало врачей, а тут еще появился тиф...— там, собственно, я и начал...

— Фантастично и загадочно. Вы никогда ни о чем таком не вспоминали,— выдавил из себя Борис Владимирович.

— А я и сам стал уже забывать. И напрасно, нельзя было забывать.

— И все-таки в чем же причина?..

Борис Владимирович не в состоянии был примириться со случившимся: уход Сведомского представлялся ему подобным самоубийству. И когда?! В самую счастливую пору — в пору всеобщего признания.

— Мне кажется, простите, вы пошутили... или я сошел с ума. Ваше триумфальное возвращение в родные места — это же сказка, сказка нашего времени! — Борис Владимирович вложил в свой голос всю силу убеждения, на какую был способен.— И сейчас здесь вы решаете. Я отказываюсь себе верить, своим ушам...

— А я решил не сегодня, сегодня я лишь решился сказать. Ну, а почему, давайте в другой раз... Борис Владимирович, вызовите мне, пожалуйста, такси! — попросил Сведомский.

— Куда? К кому вы собрались?.. В одиннадцатом часу? «Он и вправду болен?» — с надеждой подумал Борис Владимирович.

— Если я скажу, что на любовное свидание, вы ведь не поверите... Между тем это почти что так. Я хочу посмотреть город, эту гимназию... Здание сохранилось, возможно...

— Возможно... Не знаю...

Администратор вновь перенес портфель из руки в руку, застегнул на все пуговицы пиджак. «Надо бороться,— подумал он,— бороться за Сведомского».

— Вы устали, Евгений Александрович, перелет был довольно трудный, с посадками,— мягко, даже нежно проговорил он.— Я вам очень советую, сейчас же ложитесь... Да и поздно, что вы сейчас увидите?..

И действительно, за окнами была уже ночь с редкими затуманенными звездами; ветки тополей на уровне второго этажа ненатурально зеленели в электрическом свете, падавшем из окон. Свежий ветерок вздымал батистовую занавеску, и она вся вытягивалась горизонтально, как крыло в полете.

— Поздно?.. Вы сказали: поздно?..— переспросил Сведомский, будто не поняв.

Все и слышалось и представлялось ему теперь, после принятого решения, по-иному, наполнившись каким-то холодящим значением. Мир словно бы повернулся неизвестной ранее стороной, окрашенной в один цвет этого «поздно». Сведомский подошел к окну, ветерок взъерошил его реденькие, полувоздушные волосики.

— Как незаметно стемнело, пожалуй, что и правда поздно,— слабым голосом сказал он.

— Спокойной ночи, Евгений Александрович! Отдыхайте... Могу предложить таблетку ноксирона — прекрасное легкое снотворное. Завтра вы будете чувствовать себя абсолютно свежим... А завтра у нас...— Борис Владимирович запнулся и утишил голос,— первый здесь концерт. Я надеюсь, что эти наши концерты...

Сведомский кивнул, не повернувшись к нему.

— Ну, очень хорошо! — с облегчением сказал администратор.— На всякий случай напоминаю: репетиция с оркестром завтра в десять, машина будет у подъезда в девять тридцать... На двенадцать тридцать было назначено интервью — я его отменяю,— более решительным тоном продолжал он, как бы идя всей душой навстречу Сведомскому.

— Да, да, пожалуйста, Борис Владимирович! И скажите там, пожалуйста, чтобы убрали это...

Он показал кивком на плетеную корзину с гортензиями, зеркально отражавшуюся в полированной, красного дерева столешнице.

— Я не люблю цветов, они слишком быстро вянут. А эти гортензии — они на всех юбилеях и на похоронах.

— Я сейчас же скажу.

И Борис Владимирович тихо притворил за собой дверь.

А Сведомский быстрыми шагами направился к «Святой Инесе». Губы его плотно сомкнулись, точно он боялся заговорить, боялся не других — в комнате он был один,— боялся чего-то в себе. Мысленно он безотчетно повторял: «Поля!.. Как давно!.. Боже, как давно!..»

3

Внизу в этот час гостиничный ресторан был полон. Стены, на которых местные живописцы написали маслом различные пейзажи — синие горы со снежными вершинами, похожие на сахарные головы, дремучий лес с медведями, луг с извилистой, змеевидной рекой,— тускло бликовали, как в банной испарине. Было тесно, жарко, накурено. И в табачном тумане, между столиками, проносились одетые в черное официанты, салютуя шпагами с нанизанными на них кусочками мяса. По углам, в кадках с песком, утыканным окурками, стояли остролистные, мертвые, будто жестяные пальмы.

Полковник Колоколов снял фуражку, обнажив седоватый «брусиловский» ежик, и заказал себе в буфете водку. Буфетчица, лениво двигавшаяся за стойкой, сама, казалось, захмелела от одних винных испарений. Отпустив с графинчиком коньяка официанта, налив рюмку Колоколову, она через стойку наклонилась к нему; слезно блестели в щелочках припухших век ее розовые глаза.

— ...Он ничего из себя, хорошенький,— рассказывала она,— только старенький уже. Вроде как миловидный дедушка. И подумать только, всюду ему поклоняются.

— Незаурядная популярность,— подтвердил Колоколов.

— Я их часто у нас вижу — знаменитостей, артистов. Я их сразу узнаю — легкий народ, вроде как дети. Но, между нами, прижимистый... Чего тебе, Федя, давай чеки!

Последнее относилось к очередному официанту. Колоколов допил тем временем свои сто граммов, но не уходил.

— Интересно: есть у него жена? — вслух размышляла буфетчица.— Как не быть?.. Вот уж, наверно, королева. Ни тебе этой суеты, ни материальной ответственности. Жизнь, как в Сочи.

Колоколов лишь поднял на женщину озабоченно-задумчивый взгляд.

— Поражаюсь я на вас, товарищ полковник,— сказала буфетчица,— целая вечность прошла и еще половина, а вы все об ней скучаете, об вашей...

— Тс-с, ни слова! — Со строгим видом Колоколов приложил палец к губам.

— Я и Маринке, дочке, про вас говорила...

Предупреждающий знак не произвел на буфетчицу никакого впечатления.

— Есть, говорю, у нас один такой... должно быть, на весь город один.

— Какой такой? — спросил Колоколов.

— Маринка мне пояснила: печальный рыцарь — это она про вас, извините! Уф, и духотища у нас...

Женщина платочком сняла капельки пота со лба и сунула влажный платочек в вырез пестрой кофточки, меж колыхавшихся грудей.

— Конечно, молодежь у нас чересчур насмешливая. Но, между прочим, Маринка — круглая отличница, а еще чемпион по фехтованию, на областной олимпиаде выступала. Подумать только: девка, а ходит в мушкетерах. Она и надо мной потешается: «Устарели вы, говорит, мама, фантазии у вас». А я с ней несогласная. Я читала — в книгах врать не станут — бывает оно!..

— Что оно? — Колоколов был все так же строг.

— Чувство. Я писателя Тургенева читала. Маринка к экзаменам готовилась, я у нее взяла, поверите — зачиталась. «Вешние воды» называется. Забрало меня почище телевизора.

— Еще сто, прошу,— твердо прогозорил Колоколов.

— А не сверх нормы будет, товарищ полковник? Мне, конечно, обменяться мнениями с вами — одно удовольствие.

Отмерив порцию, она продолжала:

— Я Маринке заметила: поживешь с мое, и у тебя фантазии начнутся. Вот, к слову сказать, музыка. Если рассудить, какая от нее польза?.. Ну, там джазы всякие, трынь-брынь, танцульки — все ясно. Ну, а сим-фо-ния,— по слогам выговорила она,— что вы о ней скажете?! На хлеб ее, как масло, не намажешь, на себя, как трикотаж, не наденешь. А люди преклоняются... Почему? Я вам отвечу: им чувство требуется — одним облегчение, другим восторг. Я, между прочим, женщина небалованная. Первый мой муженек в тюрьму угодил, его и след пропал, второй — с войны не вернулся... Вот и я на этого старичка тоже билет достала, пойду послушаю. Может, и поплачу — на сердце полегчает.

Колоколов со звоном поставил на буфетное стекло рюмку.

— Благодарю, Настасья Филипповна! Это я для куража. Мне сегодня как в бой идти.— Колоколову и вправду понадобилось напряжение воли, чтобы отважиться на предстоявший ему сейчас визит; этот ветеран начал, казалось, с годами робеть там, где можно уже было не опасаться не то что пули, но и служебных неприятностей: он был в бессрочном увольнении. Но все чаще он чувствовал себя как бы виноватым в своей одинокости и ненадобности среди молодого человечества, и, отправляясь, к примеру, ежемесячно в сберкассу за полагавшейся ему пенсией, он так же, как сейчас, напускал на себя строгий, чопорный вид.

— На кого это вы ополчились? — участливо полюбопытствовала буфетчица.

— Тс-с...— Он опять остановил ее жестом — палец к губам.— Ни звука.

— Некому приглядеть за вами,— сказала она.— И пенсия у вас дай бог и жилищные условия. А счастья — семьи нет. Точно что печальный рыцарь...

В их беседу ворвался официант, пышущий жаром, спешащий, с намокшим нечистым воротничком:

— Мамочка, получай чеки! Две бутылки полусухого, три минералки!

Продолжение следует.

Г. Аббасзаде

Ч. Айтматов

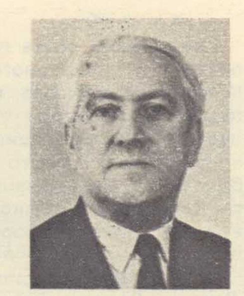
М. Алпатов

П. Антокольский

И. Антонова

Ю. Боксерман

З. Горжени

Н. Грибачев

Ю. Грибов

С. Гродзеньска

П. Дариенко

Е. Евтушенко

Н. Козловский

Г. Копосов

Ю. Корнилов

В. Кудрявцев

В. Кузнецов

Г. Куликовская

И. Пчелко

Н. Рахманов

Н. Родичев

Р. Рождественский

А. Романов

Н. Рыбак

Ц. Солодарь

В. Сорокин

Н. Тихонов

А. Чегодаев

И. Шамякин

В. Шатилов

ПРЕМИИ ЖУРНАЛА «ОГОНЕК» ЗА 1975 ГОД

Редакционная коллегия журнала «Огонек» отметила денежными премиями и грамотами лучшие произведения, напечатанные в журнале в течение 1975 года:

Г. Аббасзаде — «Рекомендация» (№ 7), рассказ; Ч. Айтматов — «Снега Манас-ата» (№ 19), очерк; М. Алпатов — «Истоки «Тихого Дона» (№№ 8 — 9), статья; П. Антокольский — «Шесть стихотворений» (№ 33); И. Антонова — «Школа прекрасного» (№ 27), статья; Ю. Боксерман — «Передний край» (№ 41), статья; Ю. Бондарев — «Берег» (№№ 12—20 и 22—28), роман; А. Бочинин — «Будущие олимпийцы» (№ 23), фоторепортаж; Муин Бсису (палестинский поэт) — «Гневная песня» (№ 42), стихи; Н. Быков — «Скажи мне, земля...», «Звено» (№№ 3, 46), очерки; Л. Васильева — «Времена года» (№ 23), стихи; Р. Гамзатов — «Дом родной» (№ 1), стихи; З. Горжени (ЧССР) — «Поступь великих лет» (№ 18), статья; Н. Грибачев — «Косой Фаюкин» (№№ 13—14), рассказ; Ю. Грибов — «Крестьянский талант» (№ 39), очерк; С. Гродзеньска (ПНР) — «Ее день» (№ 11), юмористический рассказ; П. Дариенко — «Стоять вовеки на своем» (№ 17), стихи; Е. Евтушенко — «Беглец из Китая» (№ 10), поэма;

Ю. Бондарев | А. Бочинин | Муин Бсису | Н. Быков | Л. Васильева | Р. Гамзатов

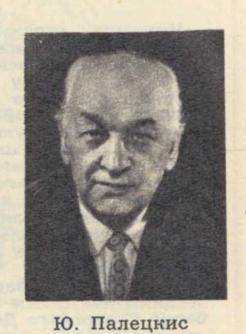

М. Зарудный | Ю. Зубков | А. Ионов | И. Исаев | А. Кешоков | Н. Кожевникова

Н. Малахов | А. Марков | А. Межиров | М. Нагнибеда | Д. Налбандян | Ю. Палецкис

О. Сахарова | А. Сахнин | В. Севастьянов | С. Северняк | Ю. Семенов | В. Сидоров

Ю. Шесталов | О. Шестинский | С. Щипачев | В. Яковенко | Л. Яшин | Е. Рубин

М. Зарудный — «Вдохновенный дар» (№ 22), статья; Ю. Зубков — «Размышления после сезона» (№ 33), статья; А. Ионов — «Зарево над Донбассом» (№№ 1—9), роман; И. Исаев—«География жизни моей» (№ 43), стихи; А. Кешоков — Из книги «Кубок неба» (№ 39), стихи; Н. Кожевникова — «Породненные» (№ 49), очерк; Н. Козловский — «Вешенская в цвету», фоторепортаж к 70-летию М. А. Шолохова (№ 21); Г. Копосов — «БАМ» (№ 48), обложка и фоторепортаж; Ю. Корнилов — «В гостях у Жоржа Сименона» (№ 23), статья; В. Кудрявцев — «Путь в Женеву», «Новый день Сайгона» (№№ 16, 19), статьи; В. Кузнецов — «Светлые дали» (№ 41), стихи; Г. Куликовская — «Совет бригадиров» (№ 38), очерк; Н. Малахов — «Тупик модернизма» (№ 38), статья; А. Марков — «Спасибо теплому дыханью...» (№ 28), стихи; А. Межиров — «Alter ego» (№ 27), поэма; М. Нагнибеда — «Иду степями Запорожья...» (№ 50), поэма; Д. Налбандян — «Фальшивые ценности абстракционизма» (№ 32), статья; Ю. Палецкис — «Правда истории» (№ 29), статья; И. Пчелко — Иллюстрации к роману Ю. Бондарева «Берег» (№№ 12—20 и 22—28); Н. Рахманов — «Москва» (№ 52), цветная вкладка; Н. Родичев — «Для тебя, сын» (№ 52), очерк; Р. Рождественский — «Новые стихи» (№ 37); А. Романов — «Грушевая аллея» (№ 42), рассказ; Н. Рыбак — «Она видела облик дня» (№ 5), статья; О. Сахарова — «Лавровский, сын Лавровского» (№ 23), статья; А. Сахнин — «Надо ведь как-то жить...» (№№ 9 — 11), очерки; В. Севастьянов — «...За тридевять земель» (№ 16), очерк; С. Северняк (НРБ) — «Апрельская рапсодия» (№ 16), очерк; Ю. Семенов — «Третья карта» (№№ 37 — 52), роман; В. Сидоров — «Праздник красоты», «Чюрлёнис» (№№ 9, 37), статьи; Ц. Солодарь — «Двойные» (№№ 39, 43, 46 — 51), очерки; В. Сорокин — «Дуэль» (№ 34), поэма; Н. Тихонов — статьи о советских писателях: «Он шел впереди», «Великий сын Армении», «Поэт чудесного дара» (№№ 22, 44, 48); А. Чегодаев — «Странствия Альбера Марке» (№ 29), статья; И. Шамякин — «Брачная ночь» (№№ 30—35), повесть; В. Шатилов —«Знамя победы» (№ 19), статья; Ю. Шесталов — «Мне надо сказать...» (№ 45), очерк; О. Шестинский — «Родной очаг» (№ 47), стихи; С. Щипачев — «У книжных полок» (№ 45), поэма; В. Яковенко —«Крутые пласты» (№ 36), поэма; Л. Яшин, Е. Рубин — «Записки вратаря» (№№ 41 и 43—46).

«КОМСОМОЛКА» ВОЕННЫХ ЛЕТ

Читаешь страницы этой, быть может, единственной пока редакционной летописи Великой Отечественной войны и убеждаешься: по-настоящему нужную и важную книгу написал редактор «Комсомольской правды» времен войны Борис Бурков, выразительно назвав молодежную газету той грозной поры «Комсомолкой» в шинели».

На каждом фронте «Комсомолка» имела своих специальных корреспондентов, из донесений которых и складывалась сама газета — своеобразная карта военных действий на советско-германском фронте.

В тяжелых боях под Харьковом прославились советские зенитчики. Журналисты «Комсомолки» Иван Наганов и Борис Иваницкий под огнем переправились на другой берег Северского Донца, чтобы увидеть героев, поговорить с ними. Но едва переправившись, попали во вражеское окружение. Началась тяжелая схватка. Плечом к плечу с ними сражался и журналист Михаил Розенфельд. Борису Иваницкому удалось вырваться из окружения, а Наганов и Розенфельд погибли...

Корреспонденты с Южного фронта рассказывали о том, как молодые бойцы преодолевали «танкобоязнь», как бесстрашно вступали в ожесточенные бои с танками гитлеровского генерала Клейста.

«Бутылки с зажигательной смесью,— пишет Бурков,— а потом и бронебойные противотанковые ружья выводили из строя десятки, сотни вражеских машин. На участках фронта, где зарождалось движение дерзкой, смелой и эффективной битвы с фашистскими танками, воевал и бригадный комиссар Леонид Ильич Брежнев. О нем и его боевых соратниках наши военные корреспонденты расскажут в очерках, а потом и в книжке «На Южном фронте».

Много и активно работал военкор Лев Ющенко. От него в редакции узнали, что в станице Вешенской бомба попала в дом Михаила Шолохова. Убита мать Шолохова.

По корреспонденциям «Комсомолки» прослеживается продвижение фронтов. Вот полоса «Мы вернулись к тебе, Севастополь!». Очерк Анатолия Калинина «Штурм», статьи Семена Клебанова «Гордость народа», Николая Зотова «Подвиг моряков». Спустя некоторое время Сергей Крушинский печатает свои очерки под новой рубрикой — «По ту сторону».

Сами заголовки военных сообщений говорили об этом: Карл Непомнящий — «На подступах к Варшаве», Тарас Карельштейн — «На улицах Каунаса», Евгений Долматовский — «Буг — Висла», Ростислав Июльский — «Путь в Бухарест», капитан, военный корреспондент Александр Андреев последовательно передавал свои боевые статьи: «На последнем рубеже», «Путь к Берлину», «Последние километры» и, наконец, «В Берлине».

Героической и тернистой была эта дорога. О скольких героях писала «Комсомолка»! Разве всех назовешь, перечислишь! Не все дошли до Победы. Это о них, военных корреспондентах «Комсомольской правды», напоминают имена журналистов, занесенные на мемориальную доску, что установлена в редакции газеты: Иван Войтюк, Аркадий Гайдар, Виталий Гордиевский, Яков Гринберг, Борис Иваницкий, Лилия Карастоянова, Виктор Кривоногов, Михаил Луцкий, Леонид Лось, Николай Маркевич, Иван Меньшиков, Иван Наганов, Михаил Розенфельд, Александр Слепянов, Владимир Чесноков, Лазарь Шапиро.

Памятную книгу написал Борис Бурков, книгу, стучащую в самое сердце.

Михаил АНДРИАСОВ,
бывший военный корреспондент «Комсомольской правды»

Б. Бурков. «Комсомолка» в шинели. М., изд-во «Правда», 1975, 240 стр.

НА ПОДМОСКОВНОМ РУБЕЖЕ

«Мы держали оборону недалеко от города Дедовска, километрах в 40 от Москвы. В один из дней ко мне приехал директор местной текстильной фабрики и спросил:

— Каким временем мы располагаем для эвакуации оборудования?

Обстановка на нашем участке была сложной. Но Москва была совсем рядом, и я сказал:

— Можете оставить свои станки на месте. Дальше мы не отойдем...»

Так вспоминает о днях сражения под Москвой генерал армии А. П. Белобородов, бывший командир 9-й гвардейской краснознаменной стрелковой дивизии. Его воспоминаниями начинается книга «Истра 1941», посвященная живым и павшим воинам, оборонявшим столицу на Истринском направлении. Каждый из ее авторов, от генерала до солдата, говорит, казалось бы, только о своем, о том, что именно он делал на войне, видел и пережил, о том, что было на его участке фронта, на его боевой позиции. Но все, вместе взятое, это соединилось в яркую картину боев под Москвой и освещает новые грани великого подвига, в котором неразделимы смелость полководческого замысла, умелое управление боями, личное мужество солдат и командиров.

В рассказах ветеранов о суровых и тревожных днях, когда решалась судьба Москвы, судьба Отчизны, раскрываются и истоки этого коллективного подвига: глубокая убежденность советских воинов в правоте своего дела, их преданность Коммунистической партии, делу Ленина.

Воспоминания дополнены газетными строками военных лет, заметками и репортажами с поля боя, записями из фронтовых блокнотов писателей и журналистов. В частности, привлекают внимание очерки писателей Александра Бека, Е. Воробьева, поэта Алексея Суркова, журналистов Ивана Беловолова, С. Кузменко. Сочетание документов, фотографий и художественной публицистики делает особенно зримыми события, о которых идет речь.

Все материалы сборника пронизывает мысль об авангардной роли коммунистов на фронте. Комиссар дивизии М. В. Бронников, командир батальона Н. М. Уральский, политрук Б. Н. Довжик, связист Н.Ф. Зверков и многие другие рассказывают о силе личного примера коммунистов, об их умении вдохновить бойцов, повести за собой.

Большой интерес представляют и те страницы, на которых говорится о послевоенных судьбах героев-гвардейцев. Эта тема также близка составителю книги подполковнику в отставке И. В. Беловолову. Бывший редактор дивизионной газеты «За Родину», он возглавляет ныне редакцию радиовещания на московском заводе «Красный богатырь», ведет активную общественную работу.

Тридцать четыре года прошло со времени событий, описанных в книге «Истра 1941». Нет сомнения, что читатель с благодарностью воспримет этот сборник, воскрешающий эпизоды великого исторического сражения под Москвой, положившего начало разгрому гитлеровской армии.

Л. ЖЕЛНИНА

Истра 1941. М., «Московский рабочий», 1975, 304 стр.

А СЕРДЦЕ ЖИВОЕ ОСТАЛОСЬ

Судьба свела меня с ним в гитлеровском лагере. И тогда же, в сорок третьем, разлучила. Майора Красной Армии Андрея Пирогова после неудачного побега перевели в лагерь смерти Заксенхаузен.

Двадцать два года я ничего не знал о нем. Но почти не сомневался, что он выжил тогда, потому что в страшной неволе он сохранял замечательную силу духа и непоколебимую веру в нашу победу, был для других узников примером изумительного мужества.

И вдруг я увидел его в одной из передач нашего телевидения о войне. Жив! Я тут же написал ему. Он ответил. В его письме были строки, в которых вставал он весь,— несгибаемый майор Пирогов. Вспоминая день, когда его и еще одного военнопленного вернули в лагерь после побега, он писал: «Помню, как ввели нас в барак и дверь закрыли. И нас поставили перед вашим фронтом. Гробовое молчание. Фельдфебель вытащил штык у солдата и направился к нам. Я стоял перед вами лицом к лицу и только думал о том, чтобы не закричать, не застонать — не показать вам, мальчишкам, слабость. И пока меня били — ваши лица, как в тумане, но я их вижу, — и эти лица дают мне силу выстоять...»

Потом я узнал все. Пирогова не согнули муки каторги. В лагере Маутхаузен, последнем, где его держали, он вошел в комитет подпольной организации советских военнопленных. В мае сорок пятого года по поручению интернационального комитета стал одним из руководителей вооруженного восстания заключенных, о котором вскоре узнал весь мир.

После войны Андрей Иоанникиевич поселился в Одессе, работал на заводе, не жалея сил на военно-патриотическое воспитание молодежи. В 1965 году в Одессе вышла книга Пирогова «Этого забыть нельзя» — о войне, о себе, о движении Сопротивления в фашистских концлагерях. И вот другая его книга — «Крепость солдатских сердец», раскрывающая подвиги наших воинов, сражавшихся в сорок втором году в Аджимушкайских каменоломнях под Керчью.

В книге один главный герой — воины, что держали маленький, но такой же важный, как все остальные, участок огромного фронта: полковник Ягунов — начальник подземного гарнизона, старший батальонный комиссар Парахин, врачи и медсестры, подполковник Бурмин, боец Петров, помощник повара Фрося, сам автор.

Гарнизон Аджимушкая держался и воевал с мая по октябрь. Гитлеровцы пытались отравить людей в подземелье газами, погибли очень многие, особенно из гражданского населения (в каменоломнях прятались сотни жителей Керчи). Кончилось продовольствие, воду добывали буквально по капле, но окруженные не просто отсиживались в подземелье, они совершали боевые вылазки, вели активную разведку, искали связи с местными партизанами. Фашисты пробовали уговорить бойцов сдаться. Осажденные с гневом отвергали гнусные посулы врага. Величайшая стойкость, неистощимый патриотизм руководили солдатами подземного гарнизона.

Андрей Иоанникиевич Пирогов чуть меньше года не дожил до 30-летия Победы. Он умер, а его книга осталась. Она очень нужна, эта книга, сегодня.

А. В. ЛАВИНСКИЙ,
экономист

Минск

Андрей Пирогов. Крепость солдатских сердец. М., «Советская Россия», 1974, 160 стр.

Десант.

— Опаздываю!

В часовой мастерской.

Рисунки Е. Ведерникова

ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЕ ТЕАТРА

В беседе с нашим корреспондентом главный режиссер театра имени Н. В. Гоголя заслуженный деятель искусств РСФСР Борис ГОЛУБОВСКИЙ рассказал:

— Нам всего лишь пятьдесят, и в радостные дни юбилея итоги нашей работы отмечены высокой наградой — орденом Трудового Красного Знамени. Но итоги ли это? Нет, скорее направление будущего пути, обязательство следовать добрым традициям, развивать их, устремляться вперед.

Театр создавали энтузиасты. Группа молодых актеров под руководством Кирилла Голованова решила обслуживать железнодорожников,— им нужен был передвижной театр.

Жизнь на колесах не пугала, наоборот, актеры видели тут романтику эпохи, ее энтузиазм.

Репертуар театра тогда еще не установился: рядом с пьесой В. Киршона «Рельсы гудят» ставились салонные французские комедии; правда, вскоре они исчезли с афиши: театр стал агитатором, пропагандистом.

«Даешь спектакли революционного качества» — эта эстетическая программа была написана мелом на стене вагона. Железнодорожное депо, платформы товарных поездов, маленькие клубы на далеких полустанках становились сценическими площадками, тесные купе — репетиционными помещениями. И в те первые дни стихийно и органически проявилось основное направление театра — его реалистически-романтическая тональность.

Потом наступил период новых художественных требований, время осмысления работы. На помощь пришли мастера МХАТа II; они принесли внимание к человеку, культуру мастерства, чувство ансамбля. Но только с приходом Николая Васильевича Петрова, замечательного режиссера, пламенного созидателя советского театра, началось рождение настоящего коллектива со своей творческой программой.

Петров кликнул клич, собирая друзей-драматургов для создания нового театра; «Вторые пути» и «Накануне» А. Афиногенова, «Со всяким может случиться» и «Знатная фамилия» Б. Ромашова стали событием в театральной жизни страны. В театре собрались интересные актеры: А. Дорошевич, З. Минаева, П. Павленко, В. Зельдин, Л. Виноградова, А. Краснопольский, Л. Скопина, Э. Мильтон, М. Малинин, В. Хохряков, И. Потоцкая, И. Смысловский... Пришел молодой режиссер В. Гольдфельд, ставший впоследствии главным режиссером театра, пришли художники Н. Акимов, В. Мюллер, М. Варпех.

Одно время театр возглавлял крупный советский режиссер И. Я. Судаков. Он принес стремление к таким монументальным эпическим полотнам, как «Хождение по мукам» А. Толстого, «Бронепоезд 14-69» Вс. Иванова... Но основные творческие принципы, заложенные Петровым, не менялись: демократизм, романтическая взволнованность, поэтическое восприятие действительности, острая проблематика современного репертуара были живы.

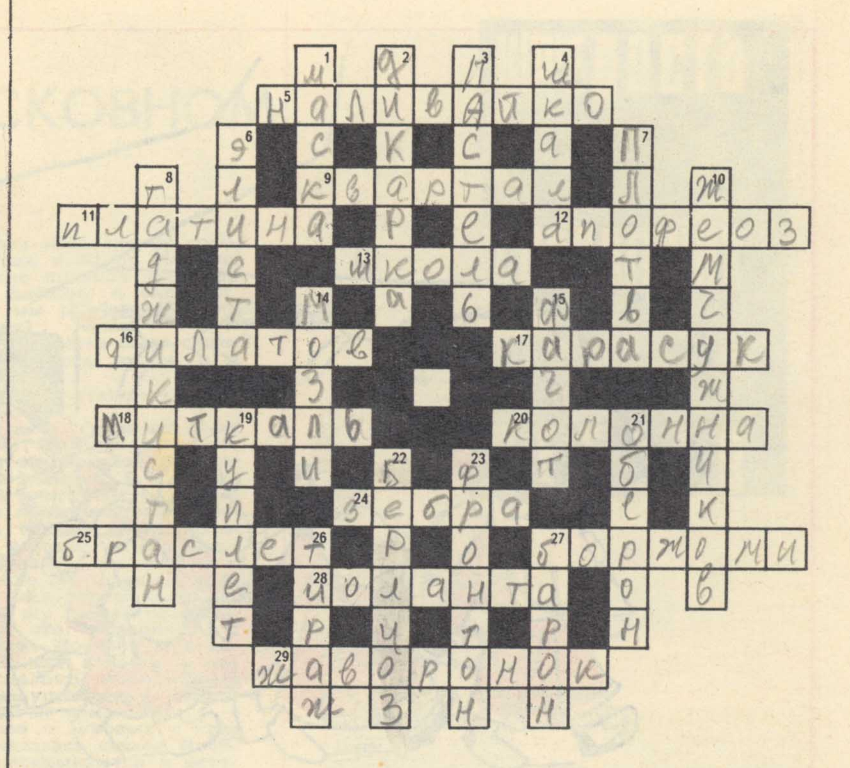
В 1959 году театру присвоено имя великого писателя Н. В. Гоголя.

Сегодня, пересматривая вехи своего пути, мы уверены, что существо театра остается неизменным. Определяющим для нас в последнее десятилетие стал спектакль по роману Ю. Германа «Я отвечаю за все». В самом названии заключена идейно-эстетическая позиция театра — сочетание острой публицистики, открытого полемического пафоса, романтической тональности... Интерес к современной проблематике определяют пьесы Л. Жуховицкого, Ю. Семенова, В. Смирнова, Л. Лондона, Е. Габриловича и С. Розена, Л. Моисеева, Т. Колесниченко и В. Некрасова и других драматургов. Разные по жанрам и проблемам, они объединены страстным желанием вмешиваться в жизнь, бороться за нового человека, за образное воссоздание моральной атмосферы нашего общества.

23 декабря театру имени Н. В. Гоголя в связи с 50-летием был вручен орден Трудового Красного Знамени. Орден вручил секретарь МГК КПСС Л. И. Греков.

Фото Б. Кравеца.

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Поэма К. Ф. Рылеева. 9. Часть отчетного года. 11. Металл. 12. Заключительная торжественная массовая сцена спектакля. 13. Повесть А. П. Гайдара. 16. Советский офтальмолог. 17. Река в Новосибирской области. 18. Легкая хлопчатобумажная ткань. 20. Порядок построения войск. 24. Дикая африканская лошадь. 25. Ювелирное изделие. 27. Курорт в Грузии. 28. Опера П. И. Чайковского. 29. Певчая птица отряда воробьиных.

По вертикали: 1. Принадлежность карнавального костюма. 2. Комедия А. Н. Островского. 3. Мягкие карандаши. 4. Циферблат с делениями в различных приборах. 6. Столица Калмыцкой АССР. 7. Рыба семейства карповых. 8. Союзная республика. 10. Один из поэтов, выступавших под общим псевдонимом Козьма Прутков. 14. Английский физик XIX—XX веков. 15. Духовой инструмент. 19. Раздел песни. 21. Спутник планеты Уран. 22. Французский композитор. 23. Завершение фасада здания. 26. Количество экземпляров печатного издания. 27. Действующее лицо пьесы М. Горького «На дне».

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 52

По горизонтали: 5. Станиславский. 8. Багет. 9. Лоток. 11. Трике. 13. Автол. 14. Арена. 15. Морава. 17. Власов. 18. Баркарола. 21. Белуха. 22. Апрель. 23. Стека. 25. Чирок. 26. Шквал. 27. Абрис. 29. Опока. 31. Палеонтология.

По вертикали: 1. Драма. 2. Токио. 3. Рибера. 4. Европа. 6. Тригонометрия. 7. Петропавловск. 8. Бекар. 10. Калан. 12. Кербабаев. 16. Агава. 17. Волга. 19. Пушка. 20. Груша. 23. Свиток. 24. Ампула. 28. Болид. 30. Кегль.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Плакат В. Викторова.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Рисунки Ю. Черепанова.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, С. А. БАРЧЕНКО, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Н. А. ИВАНОВА, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. Н. СБИТНЕВ (ответственный секретарь), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-38-26; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 258-14-07; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 15/XII — 75 г. А 00704. Подп. к печ. 26/XII — 75 г. Формат 70×108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 221. Тираж 2 050 000 экз. Заказ № 1515.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

Герои нашего времени

Рамиль ХАКИМОВ

Фото Л. ШЕРСТЕННИКОВА

Газизьян Нуртдинов работает по календарю 1981 года

ЧЕЛОВЕК ИЗ 1981 ГОДА

Каждое утро Газизьян приходит на самое высокое место Уфы. Сойдя с трамвая, он минует два квартала по улице Кирова — четверть века ходит этим путем, мог бы преодолеть его с закрытыми глазами. Минуты через три покладистая горизонталь асфальта привычно сменится строптивым подъемом, а за парадным крыльцом еще несколько шагов по фундаменту, заложенному полтора столетия назад, и вот он, его родной завод.

Впервые сюда его привела любовь. И случилось это в 1951-м.

А что до этого?

До этого — детство в Илишевском районе. Это сейчас он самый хлебный район Башкирии, ходит в передовиках. А тогда прошлое нет-нет да и заявляло о себе. Газизьяну не сравнялось и года, когда отец привел домой вторую жену и распорядился:

— Одна за скотиной будет присматривать, другая по дому хозяйничать.

Отец брал пример со своего отца, имевшего три жены. Но время все-таки было уже не то — мать Газизьяна тут же ушла от мужа.

Детство выпало не из сладких. И тут — война. Пришлось делать работу взрослых: пахать, косить. И только мечтать о фронте. Парень из соседнего аула — летчик Муса Гареев уже прославился на всю страну громкими подвигами, когда исполнилось страстное желание Газизьяна — его призвали в армию. Но... повезли не в сторону фронта, а на Дальний Восток.

На другой же день после того, как часть, в которой служил Нуртдинов, прибыла к месту назначения, объявили о конце войны на Западе. И все же удалось понюхать пороху и даже заслужить самую почетную солдатскую медаль — «За отвагу».

В начале пятидесятых годов Газизьяна сразила неодолимая любовь к девушке по имени Мамзуля. Он влюбился в нее, как сейчас говорят, заочно, по фотографии.

Газизьян к своему чувству относился очень серьезно. Обаятельная Мамзуля стала получать частые письма — едва ли не по целой тетради. Но...

В тот день, когда демобилизованный Газизьян предстал перед Мамзулей, та готовилась к свадьбе с парнем, который ухаживал за ней несколько лет. Свидание длилось полчаса. Убитый горем Газизьян уехал в Илишевский район, а неотразимо обаятельная Мамзуля вдруг стала ловить себя на том, что неотступно думает не о женихе, а об этом плечистом парне с укоризненным взглядом темных глаз и упрямым подбородком. Она пошла на почту и послала телеграмму, он приехал, и они поженились.

Через несколько дней после свадьбы Мамзуля привела Газизьяна на свой завод.

— Вот,— сказала она,— говорят, здесь церковь стояла. Построили на ее месте Дворец культуры, да не успели его открыть, а в войну сюда въехал эвакуированный завод, наш завод.

— Судьба,— отозвался Газизьян, и непонятно было, о себе он, или о заводе, или обо всем вместе.

В Башкирии не счесть мощнейших, с громкой славой предприятий. Разрослись старые заводы. Перебрались в новые здания эвакуированные во время войны цеха, выросли новые предприятия. Уфимский завод низковольтной электроаппаратуры выпускает продукцию, которой пользуются нефтяники и металлурги, летчики и моряки, электрики и химики... Потому и работает он с огромным напряжением. Три тысячи адресов в стране, более полусотни за рубежом: Финляндия и ФРГ, Бразилия и Япония...

Газизьян серьезен во всех своих поступках. Близких людей (выучку у него прошло человек пятнадцать), если кто того заслужит, он отчитывает по-свойски. С людьми не столь близкими корректен, но, если видит вещи, позорящие рабочую честь, не отойдет в сторону. Его потому уже не раз выбирали в заводской партком, что он всегда и во всем чувствует себя коммунистом.

Можно было бы здесь рассказать о его новшествах, о его придирчивом и предупредительном отношении к инструменту, но скажу лишь вот о чем: ему для фрезерования дают самые сложные детали.

Мамзуля рассказывает:

— Жили возле завода, так по нескольку раз в неделю присылали нарочных — делать срочную работу. Теперь живем далеко, а нет-нет да присылают машину: выручай, Газизьян! Съездит часа на два, и привозят его обратно. Дочки смеются: «Папа как знаменитый хирург!»

Газизьян выполнил свое пятилетнее задание на двести процентов — иными словами, он живет уже в 1981 году!

Каково там, в 1981-м?

Вот улица Кирова. Не очень еще тенистый, но бульвар. Самый нарядный в городе. Напротив гостиницы «Башкирия» — огромный дворец нефтяников.

Над нынешними огородами поднялись ансамбли жилых и административных зданий. Из старых домов остался лишь островок. Он вошел в зону Ленинского мемориала и собран вокруг Дома-музея В. И. Ленина, в память 1900 года — дней пребывания Ильича в Уфе.

Завод Газизьяна перенесся на новое место. В 1975-м строители расчистили площадку и принялись за сооружение нового комплекса. Четырнадцатиэтажная башня административного корпуса выходит к речке Сутолоке, а позади той башни — светлые, просторные цеха обновленного завода.

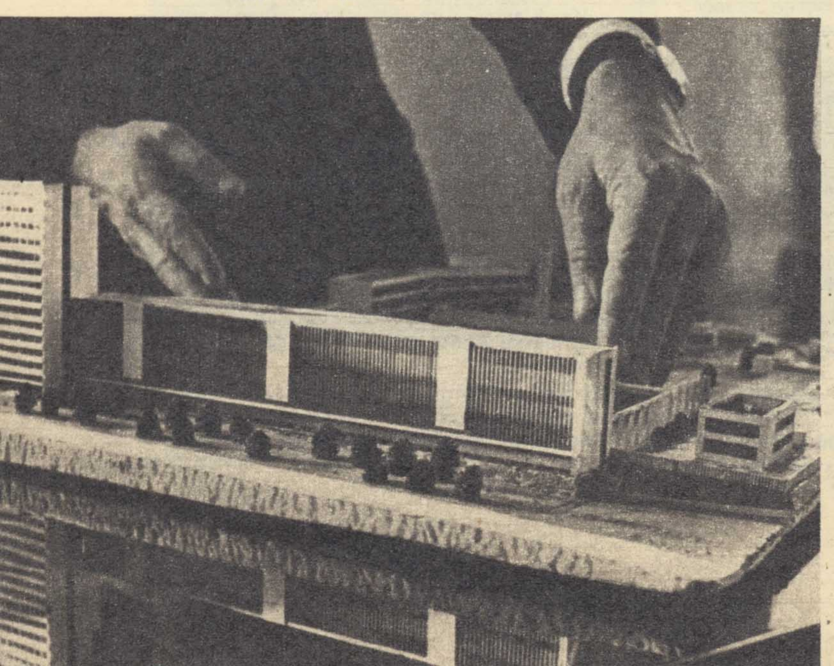
— Извиняюсь, но у меня поправочка,— дотрагивается до моего плеча Газизьян Салихьянович,— если это, конечно, нужно для дела. Я ведь и восьмую пятилетку выполнил на двести процентов. А завод свой план завершил шестого ноября.

Вот это да! В какую же даль зовет этот неистовый мастеровой! А он добавляет:

— У нас на заводе, кроме меня, еще несколько человек выполнили по два пятилетних плана. Да ведь это смотря какая у кого специальность. Нефтяникам вон или нефтепереработчикам и на несколько-то процентов перевыполнить план — великое дело. Главное, чтобы пятилетки выполнялись. И тогда все будет в порядке...

Что же добавить к этим словам? Разве то, что и вся промышленность Башкирии задолго до новогодия выполнила задания девятой пятилетки.

Таким будет завод в новой пятилетке.

На торжественное заседание.

В выходной день.

Впереди — целый вечер.

Вся семья в сборе.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663

— Всегда женщины задерживаются!

— Поздравляем вас с тремя годовыми планами.

— Чтобы ни один бракодел не проскользнул.